

РУСИНЫ ВЪ 1848 ГОДУ.

(Памяти Т. Г. Шевченка.)

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Австріи, едва ли не самая тяжелая доля досталась Русинамъ, т. е. Малоруссамъ, живущимъ въ Галиціи. Подавляемые тройнымъ гнетомъ, Русины должны употреблять неимоверныя усилія, чтобы отстаивать свои права не только народныя, но и человѣческія. Ихъ ближайшіе сосѣди оказались ихъ злѣйшими врагами, и упорную злобу враговъ не заглушили ни ихъ собственныя несчастія, ни успѣхи образованности. Потерявъ надежду на сочувствіе соплеменниковъ, связанныхъ съ ними историческою судьбою, Русины готовы были видѣть избавителя въ общемъ врагѣ славянскихъ народовъ, полагая, что племенная ненависть должна же наконецъ уступить благотворной силѣ цивилизаціи, которую такъ гордится враждебное славянамъ германское племя. Но избавитель не приходилъ, и неволя все сильнѣе и сильнѣе налегала на несчастный народъ, сдѣлавшійся жертвою случайностей войны и политическихъ расчетовъ.

Съ потерю независимости, въ—продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, жизнь Русиновъ состояла изъ непрерывнаго ряда несчастій. Въ этой многострадальной жизни была только одна свѣтлая пора, давшая надежду на лучшую будущность, именно—объявленіе конституціи въ 1848 году. Затѣмъ счастливѣйшимъ временемъ считаютъ переходъ русинской земли отъ польскаго владычества къ австрійскому: до такой степени мрачно все, что было послѣ, и еще мрачнѣе то, что было прежде. Чѣмъ долѣе народъ ожидаетъ освободителя, тѣмъ глубже врѣзаются въ памяти его всѣ событія обещающія освобожденіе; тѣмъ съ большимъ участіемъ смотритъ онъ на тѣхъ, которые были для него вѣстниками новой жизни. Съ другой стороны, тѣмъ недовѣрчивѣе онъ къ тому, кто своею враждою отравилъ его немногія свѣтлыя минуты. Это об-

стоятельство постоянно надо имѣть въ виду при сужденіи о дѣйствіяхъ Русиновъ въ 1848-мъ году, также какъ и въ настоящее время.

Положеніе Русиновъ въ настоящую минуту, а равнымъ образомъ и отношенія ихъ къ правительству и къ другимъ народностямъ, во многомъ напоминаютъ 1848-й годъ, когда свобода слова и конституція дали возможность высказать то, что давно уже лежало на душѣ, входя въ нее все глубже и глубже. Поэтому, чтобы составить себѣ понятіе о русинской народности, о политическомъ и общественномъ состояніи Русиновъ, а равно и для вѣрной оцѣнки ихъ современнаго положенія, необходимо познакомиться съ событіями роковаго для многихъ года. Много невѣрнаго и пристрастнаго высказано было о Русинахъ; много являлось памфлетовъ, статей и цѣлыхъ книгъ, въ которыхъ обесуживался русинскій вопросъ со всею подробностью, со множествомъ quasi-историческихъ данныхъ, то съ холоднымъ и повидимому безпристрастнымъ, но все-таки невѣрнымъ пониманіемъ фактовъ, то съ умышленнымъ искаженіемъ ихъ подѣ влияніемъ фанатической ненависти. Писавшіе о Русинахъ, иностранцы и соплеменники, впадали въ двоякаго рода ошибки. Одни, стараясь сохранить полное безпристрастіе, становились, сами того не замѣчая, на ходули, и съ высоты своего доктринерскаго величія, говорили о «ничтожномъ» народѣ, обреченномъ на жертву въ силу неумолимаго закона исторической необходимости. Другіе, менѣе ученые, но гораздо болѣе недобросовѣстные, повторяли бездоказательныя обвиненія памфлетовъ, выдавая ихъ за собственные идеи, искали причины враждебныхъ отношеній двухъ народностей совсѣмъ не тамъ, гдѣ она заключается. Единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія при выборѣ показаній, одно другому противорѣчащихъ, а вмѣстѣ и единственно-вѣрнымъ путемъ для узнанія истины остается — обратиться къ собственному свидѣтельству народа. По счастью, у русинскаго народа были свои органы: были представители, выбранные имъ; были повременныя изданія, въ которыхъ слышался народный голосъ; были воззванія, книги и брошюры, издаваемые друзьями народа. До какой степени правъ или неправъ былъ народъ, пусть объ этомъ судятъ доктринеры, у которыхъ есть своя программа исторической дѣятельности, и свой уголовный кодексъ, для обвиненія племени и народа, который живетъ и дѣйствуетъ не по ихъ программѣ. Мы же полагаемъ, что для уясненія дѣла чрезвычайно-важны факты, показывающіе, какъ думаетъ народъ, какъ онъ самъ понима-

еть свои отношенія, на чемъ основывается его любовь и ненависть, и къ чему онъ стремится. Подобные факты, собранные на-мѣстѣ, постараемся передать съ возможною точностью, строго держась точки зрѣнія народа и его представителей. (*)

Какъ только объявлена была конституція, Русины образовали во Львовѣ, главномъ городѣ страны, *раду*, т. е. совѣтъ, собраніе, общество, поставившее себѣ цѣлю — войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ, заботиться о его нуждахъ и охранять его свободу. 10 мая 1848 года обнародовано было радю воззваніе слѣдующаго содержанія:

«Мы, Русины, составляемъ часть южнорусскаго народа. Народъ нашъ былъ когда-то самостоятельнымъ и сильнымъ; но, по непріязни судьбы и различнымъ политическимъ несчастіямъ, распался, потерялъ самостоятельность и подпалъ чужеземной власти. Несчастіе склонило богатыхъ пановъ покинуть вѣру отцовъ своихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ роднаго языка и отдѣлиться отъ своего народа. Народъ, оставленный всѣми и постоянно угнетаемый, терпѣлъ всякаго рода невзгоды и притѣненія, достигшія такой степени, что самое имя Русина сдѣлалось позорнымъ. Но какъ послѣ зимы наступаетъ весна, такъ послѣ тяжкаго испытанія явилась конституція. Братья! конституція—великое право; она—солнце, которое засвѣтило намъ, Русинамъ, и пробуждаетъ насъ къ новой жизни. Вставайте же, братья, отъ долгаго сна; вставайте не для ссоръ и вражды, а

(*) Независимо отъ свѣдѣній, собранныхъ отъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ 1848-мъ году, мы пользовались слѣдующими пособіями:

»Зоря Галицка« газета, выходившая съ 15 мая 1848 года.

Die ruthenische frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Lemberg. 1851.

Denkschrift der ruthenischen nation in Galizien zur aufklärung ihrer verhältnisse, von der ruthenischen Hauptversammlung. Lemberg, den 31 juli 1848.

Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Lalg von der ruthenischen Hauptversammlung. Lemberg, den 20 august 1848

An die Russinen. Mit kurzen historisch-politischen und statistischen notizen über die Russinen überhaupt und jene Galiziens insbesondere. Von einem Russinen. Lemberg. 1848.

Gränzen zwischen der russinischen und polnischen nation in Galizien, von. D. Zubrzycki. Lemberg. 1849.

Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. 1848. Lwów, и друг.

Многія историческія данныя, приводимыя Русинами, подтверждаются писателями польскими. Ср. *Lelewel*, Dzieje Litwy i Rusi.—Betrachtungen über den politischen Zustand des ehemaligen Polens und über die geschichte seines volkes, von Joachim Lelewel. 1845.

для того, чтобы поднять народность нашу и упрочить данную намъ свободу. Съ этою цѣлью собрались мы, Русины, и рѣшились дѣйствовать такимъ—образомъ: Мы должны сохранить нашу вѣру, и поставить права ея наравнѣ съ правами другихъ вѣроисповѣданій. Мы должны поддержать и развивать народность нашу всеми средствами: обработкою роднаго языка; введеніемъ его въ высшія и низшія училища; изданіемъ газетъ; открытіемъ постоянныхъ сношеній какъ съ жителями разныхъ краевъ нашей земли, такъ и съ другими славянскими народами; распространеніемъ книгъ на русскомъ языкѣ, и т. п. Будемъ свято хранить нашу конституцію, узнавать потребности народа, стремиться къ улучшенію быта посредствомъ конституціи, а права наши будемъ постоянно и дѣятельно защищать отъ всякихъ посягательствъ и оскорбленій. При такомъ образѣ дѣйствій, останемся вѣрными нашему конституціонному королю—въ томъ сильномъ убѣжденіи, что подъ могущественною защитою Австріи могутъ развиваться во всей силѣ наши права и народность. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что какъ, съ одной стороны, мы признаемъ святою своею обязанностью упорно защищать права наши и народность отъ всѣхъ притязаній, внутреннихъ и вѣшнихъ, такъ, съ другой стороны, самъ Богъ и права человечества требуютъ, чтобы къ тѣмъ, которые подобно намъ ратуютъ за свою народность, мы не питали ни малѣйшей ненависти въ сердцахъ нашихъ, но чтобы жили съ ними, какъ добрые сосѣди, въ любви и согласіи (*).

(*) Вотъ подлинныя слова «одозвы до руского народу», помѣщенной въ первомъ листкѣ Галицкой Зари:

»Тымъ-то чувствомъ народности напоени, и въ томъ намѣреніи собралисьмы, мы Русины, котрымъ добро и щастье народу на сердци, и будемъ дѣлати въ способъ наступуюцій:

а) Первымъ заданьемъ нашимъ буде заховати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ обрядковъ.

б) Розвивати и вносити народность нашу во всѣхъ ея частехъ: выдосконаленьемъ языка нашого, запровадженнямъ его въ школахъ низшихъ и вышнихъ, выдаваньемъ писемъ часовыхъ, утримованьемъ кореспонденцій съ письменными такъ нашими, якъ инными до щепу славянського належачими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языцѣ рускомъ, и усиленнымъ стараньемъ впровадити и на ровни поставити языкъ нашъ зъ инними въ урядахъ публичныхъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потреби народу нашого, и поправленія быту нашого на дорожѣ конституційной

Воззванье заключается надеждою, что, подобно главной радѣ во Львовѣ, собраны будутъ мѣстныя рады въ другихъ краяхъ русинской земли. Народъ съ живымъ сочувствіемъ отозвался на патріотическій призывъ; образовались тридцать четыре мѣстныя рады, составившія одно цѣлое, по духу и стремленьямъ, съ главной радюю, и вмѣстѣ съ нею служившія представителями всего русинскаго населенія Галиціи. Органомъ его была газета »Зоря Галицка« (Галицкая Денница), любимая народомъ и ненавидимая его врагами. Въ маѣ начала она издаваться, а въ июлѣ было уже болѣе полуторы тысячи подписчиковъ—число огромное, если принять въ соображеніе малочисленность населенія Галиціи. Сочувствіе къ »Зорѣ« возбуждалось какъ направленіемъ ея, такъ и содержаніемъ. Она оставалась вѣрною народному знамени и проникнута была искреннимъ участіемъ къ народу, усердно защищая его права, свободу и конституцію. Враги Русинновъ косо смотрѣли на популярную газету, и дѣйствовали на нее и памфлетами и доносами: говорили, что главная рада своею »Зорею« возбуждаетъ народъ къ разбоямъ и къ рѣзнѣ. Несмотря на всѣ преслѣдованія, Галицкую Зорю признавали органомъ общественнаго мнѣнія—»мнѣнія соборного«, и народъ любилъ ее, какъ родную сестру, ибо она высказывала то, что скрыто въ груди каждаго Русина.» Въ Зорѣ постоянно заявляемы были желанія и требованія народа, и помѣщались совѣты, какъ надо дѣйствовать при новомъ порядкѣ, вводимомъ конституціею, и какимъ образомъ устроить свою поземельную собственность, чтобы оградить ее отъ произвола богатыхъ помѣщиковъ и властей. Сообщалось и много

шукати, а права наши одъ всякой напасти и оскорбленя стали и сильне хоронити.

О томъ-то всемъ васъ, братья Русини, свѣдомыхъ чинимъ, и упоминаемъ, а бысте такъ, якъ доси, незломную вѣру заховали нашому найяснѣйшому цесареву и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ переконаню, що подъ можнымъ заступленьемъ Австріи права наши и народность наша укрѣпитися и силы свои розвинути можуть.

Притомъ васъ уважныхъ робимъ, що такъ якъ съ одной стороны святымъ нашимъ обовязкомъ буде—права, народность нашу напротивъ всѣхъ замаховъ такъ домовыхъ, якъ чужосторонныхъ, силне и стало боронити: такъ съ другой стороны самъ Богъ и право людскости наказуе, абысьмо напротивъ тыхъ, котри попри насъ также ся о свое добро и свою народность старають, жадной ненависти въ сердцахъ нашихъ не живили, но якъ щирі сусѣди одной землѣ въ згодѣ и едности жили...

Братья! завѣрте намъ, Русинамъ, и будьте переконани, що только на такой дорожѣ станемо ся тымъ, чимъ быти повиннисьмо, станемо ся честнымъ, просвѣщенымъ, свободнымъ народомъ.

другихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ сельскомъ быту: о сельскомъ хозяйствѣ, о народной гигиенѣ, и т. п. Селяне призывались къ труду въ подобныхъ выраженіяхъ: «милые братья! уже нѣтъ панщины, и мы можемъ работать на себя, можемъ быть счастливыми, если сами захотимъ своего счастья. Но для этого надо дѣлать не такъ, какъ до сихъ поръ: надо трудиться и трудиться, работать и работать. Можетъ, питухъ Василь скажетъ: зачѣмъ трудиться, лучше пойти въ корчму; Иванъ скажетъ: не хочу работать, лучше перевернувшись полежать, а Дмитро скажетъ: я буду робити такъ, якъ мой тато та дѣдо робили. О, не говорите этого, милые братья! пьянство доведетъ до нужды и стыда, отъ лѣности впадаютъ въ бѣдность, а если будемъ работать такъ, какъ наши отцы и дѣды, то такъ же, какъ они, ничего не будемъ имѣть; другіе станутъ издѣваться надъ нами, надъ нашими лохмотьями, вмѣсто одежды, и надъ лучинами, вмѣсто свѣтильни...» Постоянно защищая интересы народа, главная рада издавала предостереженія всякій разъ, какъ только грозила селянамъ какая бы то ни была опасность. Когда разнесся слухъ, что нѣкоторые изъ нихъ хотятъ продать свои усадьбы, рада убѣждаетъ ихъ не дѣлать этого, и во что бы то ни стало удержатъ землю въ своемъ владѣніи: «тѣ, которые продаютъ землю, пусть пораздумаютъ, что ихъ ожидаетъ; а ихъ ожидаетъ вотъ что: пока будутъ силы, должны будутъ служить другимъ, и изъ чужихъ рукъ, какъ милость, получать кусокъ хлѣба, и подъ старость или не дай Богъ болѣзни, впадутъ въ нищету, будутъ валяться подъ чужими заборами, мучимые позднымъ раскаяньемъ, сожалѣньемъ и упреками себѣ въ безразсудномъ поступкѣ. Если бы кто изъ васъ, при всемъ своемъ трудолюбіи, не могъ по какому-либо несчастью, самъ обработать свою землю и вынужденъ былъ ее продать, то пусть вся громада возьметъ несчастнаго подъ свою защиту и не допуститъ его до бѣды. Ненависть къ панщинѣ, какъ къ самому страшному злу, тяготѣвшему надъ массами, рада и ея органъ — «Зоря» вполне раздѣляли съ народомъ, привѣтствовавшимъ добрую вѣстницу словами:

Ой ты, Зоро Галицкая! якажесь намъ ясна!

Такесь красно засвѣтила, ажъ панщина згасла...

Въ другомъ стихотвореніи разсказывается о побѣгѣ панщины; зозуля видѣла, какъ свобода загнала панщину въ лѣса и дебри; паны пустились въ погоню, и упрашиваютъ панщину вернуться: не знали мы, го-

ворять паны, что такъ тяжело добывать хлѣбъ трудомъ: теперь нѣ на что намъ ходить въ кофейни, нѣчего проигрывать.

Прилетѣла зазуленька, та й стала ковати,
Ой шось я вамъ, добри люде, маю повѣдати:
Якъ вже гаѣ зеленѣли, я до васъ вертала,
Сѣламъ собѣ въ темномъ лѣсѣ, трохымъ спочивала,
Ажъ ту разомъ шось здуднѣло, я ся споглянула,
Якемъ диво обачила, ажемъ ся забула:
А то паньшину свобода передъ собовъ гнала,
Загнала ю въ лѣсы, въ дебры, щобы тамъ пропала,
А за нею женуть паны, взяли ю просити:
Вертай, вертай назадъ до насъ, нема зъ-одкы жити.
Паньшина имъ одповѣла: щожъ я тому винна?
Самысьте мя одправили, я вамъ була вѣрна.
Не въ той способъ мы зъ тобою хотѣли ся розстати:
Мы судили, що ты колысь зновъ будемъ вытати.
Мы не вмѣемъ молотити, наши женкы жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлѣбъ працювати;
До кавярнѣ нема съ чимъ йти, та й чортика грати,
Бо въ кешени всяда пусто, одкыжъ чого взяти?
Зъ арендаря вже не можна болше вытягати,
Бо вже на боргъ хлопъ не хоче горѣлонькы грати.

Торжествуя бѣгство неволи, Русины не знали, что скоро придется оплакивать изгнанье свободы, подобно тому, какъ одинъ изъ вождей чешской народной партіи представилъ, сквозь смѣхъ и слезы, поражение чешской конституціи (*).

(*) Ср. пѣсню Гавличка:

Naše konstituce
Letela z vysoka,
Stadion je strelec,
Strelil ji do boka.
Urazil ji kridlo
I pravau nožicku,
Smutne zaplakala,
Padla na Hanicku.
Ach! Bože, muj Bože!
Už jsem dolitala,
Už jsem moje děti
Tady zanechala.
Moje mile děti
Nedělají škody,
Sedí na Dunaji,
Napíjau se vody.

Призванный къ новой жизни, русинскій народъ силою обстоятельствъ приходилъ въ неизбежное столкновение съ двумя враждебными началами; онъ поставленъ былъ между двухъ огней: съ одной стороны была Австрія съ ея кратковременною конституціею, съ другой—Польша, съ ея вѣчною ненавистью къ Малоруссамъ. Всякій, кто вникнетъ въ сущность дѣла, убѣдится, что поведение Русиновъ въ отношеніи къ Австріи и къ Польшѣ обнаруживаетъ въ Русинахъ вѣрное пониманіе своего положенія, здравый смыслъ, твердость убѣждений и истинную любовь къ родинѣ и свободѣ. Доказать это тѣмъ легче, что Русины не скрывали взводимыхъ на нихъ обвиненій, а дѣлали ихъ извѣстными всему народу, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ свой настоящій образъ мыслей и дѣйствій. Главныя обвиненія, направленные противъ Русиновъ, состояли въ томъ, что будто-бы Русины—держатъ сторону Австріи; враждебно относятся къ Полякамъ; служатъ орудіемъ клерикальной партіи; излишне дорожатъ своимъ языкомъ, избирая его средствомъ для невѣрныхъ цѣлей. Разберемъ всѣ эти обвиненія *sine ira et studio*.

Застигнутые событіями тысяча восемьсотъ сорокъ восьмago года, Русины, подобно нѣкоторымъ другимъ народамъ, не желали немедленнаго распаденія Австріи, измѣнившей свои отношенія къ подвластнымъ ей народностямъ. Причины, по которымъ Русины считали полезнымъ существованіе Австріи во время ихъ переходнаго состоянія отъ неволи къ свободной гражданской жизни, были слѣдующія. При всемъ стремленіи къ самобытности и свободѣ, Русины очень хорошо понимали, что, по своей малочисленности, они не могутъ образовать самостоятельнаго государства. Чувство народности влекло ихъ къ кровнымъ братьямъ, но слиться съ ними въ одно политическое цѣлое не было никакой возможности, при тогдашнихъ отношеніяхъ двухъ державъ, въ составъ которыхъ вошли восточные и западные Малоруссы. Оставалось единственное средство — выборъ между Австріею и Польшею. Они выбрали Австрію, потому что она представляла болѣе гарантій для ихъ народности, нежели Польша. Объявивъ конституцію, Австрія признала равныя права всѣхъ народностей, и не препятствовала народнымъ собраніямъ, сходкамъ, обществамъ, радамъ. Поляки съ перваго же дня конституціи заявили себя противъ русинской народности, отрицали ее совершенно, и всячески старались противодействовать Русинамъ, разстраивая сходки, оскорбляя народныхъ представителей, и т. п. Защищая Австрію, Русины не только не являлись ретроградами, какъ хотѣли представить ихъ недоброжелатели, а напротивъ, показали полное

сочувствіе къ свободнымъ учрежденіямъ, полагавшимъ конецъ произволу и насиліямъ. Въ ту пору Австрія дѣйствовала, по отношенію къ Русинамъ, безспорно либеральнѣе, нежели Поляки. Она дала Русинамъ конституцію, указала путь къ самоуправленію, и признала неприкосновенными основы ихъ народности, ихъ вѣру и языкъ. Поляки, требуя возстановленія Польши въ ея древнихъ предѣлахъ, желали уничтоженія независимой Руси, замѣны русинскаго языка польскимъ, и показали себя открытыми врагами народной религіи. Вооружаясь противъ Австріи, Поляки прибѣгали къ ея же оружію, только съ меньшею осмотрительностью: они ссылались на право завладѣнія, трактаты, католичество и тому подобныя доказательства, уступившія въ наше время сильнѣйшему двигателю—народности. Даже во враждебныхъ отношеніяхъ къ Русинамъ, нѣмцы оказались состоятельнѣе поляковъ. Попытки онѣмечить, направленные не на Русиновъ исключительно, не были слѣдствіемъ мелочной, но чрезвычайно опасной личной вражды; предлагая вмѣсто русинской народности германскую съ ея богатою цивилизаціею, нѣмцы предлагали кушъ, хотя страшную цѣною, но все-таки великое уметвенное сокровище. Замѣна же малорусской народности польскою не была бы даже «всхожденіемъ отъ народнаго момента къ общечеловѣческому», какъ называли нѣмцы германизацію, а просто переходомъ отъ скромнаго сельскаго быта къ блестящей обстановкѣ съ неопредѣленнымъ содержаньемъ и съ неизбѣжною панщиною: для малорусса, Польша и панщина—два нераздѣльные представленія. Несмотря на всѣ свои посягательства, Австрія въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавала Русиновъ народомъ самостоятельнымъ, т. е. отдѣльнымъ отъ польскаго, и старалась поднять ихъ народность, между-тѣмъ какъ поляки постоянно отрицали, вопреки дѣйствительности, самое существованіе русинскаго народа, и пытались убить въ немъ народную жизненную силу. Такимъ образомъ, уже одно благоразуміе требовало—изъ двухъ недоброжелателей выбрать того, который хотя изрѣдка становится другомъ, и во время вражды дѣйствуетъ осторожно, не увлекаясь личнымъ пристрастіемъ,—а не того, который враждуетъ непрерывно и увлекается призраками. Русины, впрочемъ, не вполне довѣряли Австріи: слѣдное довѣріе вовсе не въ ихъ характерѣ, отъ природы основательномъ и разсудительномъ; не обольщая себя розовыми надеждами, они видѣли печальную необходимость поддержать ненадежнаго союзника. О будущемъ они судили по настоящему и прошедшему. Въ настоящемъ, Австрія предлагала, хотя неизвѣстно на-

долго ли, свободу, равноправность и конституцію, а Польша—рабство и политическое самоубійство; въ прошедшемъ, Австрія представляла только одно свѣтлое воспоминаніе, Польша—ни единого. Здравый смыслъ—изъ двухъ золь выбрать лучшее.

Отношенія Русиновъ къ конституціонной Австріи начались подачею адреса, въ которомъ Русины просили правительство о томъ:

1) Чтобы во всѣхъ народныхъ училищахъ тѣхъ округовъ Галиціи, въ которыхъ все населеніе или большая его часть состоитъ изъ Русиновъ, преподаваніе происходило на русинскомъ языкѣ.

2) Чтобы на русинскомъ языкѣ преподавали и въ высшихъ училищахъ, находящихся въ мѣстахъ населенныхъ Русинами.

3) Чтобы всѣ распоряженія, касающіяся края, указы правительства и опредѣленія мѣстныхъ властей, объявлялись на русинскомъ языкѣ, такъ какъ теперешній способъ объявленія, на нѣмецкомъ или польскомъ языкѣ, недостигаетъ своей цѣли, потому что народъ не понимаетъ этихъ языковъ.

4) Чтобы мѣста чиновниковъ въ русинской Галиціи занимаемы были лицами, знающими русинскій языкъ.

5) Чтобы воспитаніе русинскаго духовенства давало ему возможность дѣйствовать на народъ роднымъ ему словомъ.

6) Чтобы уравниеніе духовенства всѣхъ трехъ обрядовъ: православнаго, католическаго и армянскаго, во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, было не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

7) Чтобы Русинамъ были дѣйствительно доступны всѣ гражданскія права, а равно и всѣ городскія и сельскія должности.

Въ заключеніе говорится, что Русины обращаются къ своему королю, какъ дѣти къ отцу, въ полной увѣренности, что онъ исполнитъ ихъ требованія, вполне сообразныя съ духомъ времени (*).

Враги Русиновъ, не обращая вниманія на содержаніе адреса, нападали на форму, и въ невинной фразѣ (приведенной нами въ подлинникѣ) видѣли духъ рабства, поддержку абсолютизма и другіе небывалые ужасы. Но въ нѣсколькихъ словахъ адреса, какъ напр., чтобы уравниеніе правъ было *не только на словахъ, а и на дѣлѣ*, сказано болѣе, нежели въ иныхъ широковѣщательныхъ объявленіяхъ, и

(*) «Мы поставляемся въ дѣтское отношеніе, и молимъ ваше величество, яко отца нашего отечества, прилежнѣйше, сія къ благоденствію вашихъ вѣрнѣйшихъ дѣтей съ духомъ часа нашедшія конечныя требованія всемилостиво исполнити».

адресъ произвелъ свое впечатлѣніе тамъ, гдѣ оно было всего нужнѣе. Правительство исполнило требованія Русиновъ. На третій, четвертый и седьмой пункты оно отвѣчало, что выраженные въ нихъ желанія уже получили силу закона уставнымъ патентомъ. На первый и второй пункты постановило, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все населеніе или большинство его — Русины, преподавали въ училищахъ на русинскомъ языкѣ, каѳедры котораго открыты въ высшихъ училищахъ, чтобы дать средства молодежи узнать отечественный языкъ. По пятому пункту опредѣлено обратить особенное вниманіе епископовъ на этотъ предметъ, и въ семинаріяхъ сдѣлать русинскій языкъ обязательнымъ для каждаго; а по шестому пункту объявлено полное уравниеніе правъ всѣхъ трехъ исповѣданій.

Отвѣтъ правительства положилъ начало добрымъ отношеніямъ между имъ и народомъ. Признаніе свободы совѣсти, равенство гражданскихъ правъ и возможность внутренняго устройства, сообразнаго съ потребностями народа, имъ самимъ заявленными, — приняты были съ глубокимъ и единодушнымъ сочувствіемъ. Русины протянули руку не деспотической Австріи, а конституціонной, признавшей личную и народную равноправность. Абсолютизмъ не въ духѣ русинскаго народа, представители котораго съ особеннымъ сочувствіемъ говорятъ о той порѣ, когда сильна была демократическая основа его быта, когда всѣ дѣла обсуживались народомъ, и выборные отъ всѣхъ сословій совѣщались о благѣ страны, нерѣдко призывая самого князя на судъ народа (*). Чѣмъ сильнѣе у Русиновъ ненависть къ необузданному произволу, тѣмъ усерднѣе защищали они данную имъ конституцію. Преданность свою конституціи, а отнюдь не абсолютизму, они выразили самымъ положительнымъ образомъ. Новый порядокъ защищали потому, что имъ уничтожена панщина; въ школахъ и судахъ слышится родное слово; введенъ гласный судъ присяжныхъ; всѣ жители

(*) Cp. Lelewel, Dzieje Litwy i Rusi, str. 68. «Ruś mająca na czele wielkiego kniazia i w nim niejaką polityczną spójnię, była jednak zbiorem wielu rzeczywospolitych znanych pod imieniem księstw, które w swych stolicach osobnych, poruszały politykę wewnętrzną całego kraju... Na wiecach obierają urzędników, odbierają od nich sprawę, wyrokuja i stanowią o różnych przedmiotach grodu czyli posady i całego kraju. Książ jest urzędnikiem zwierzchnim, który miał sądzić i kraj bronić. Nieraz on stawał osobiście przed ludem, na trwogę zgromadzonym, przedkładał potrzeby posady lub kraju, usprawiedliwiał się i czekał sam wyroku».

края стали равны передъ закономъ, и т. д. (*). Либеральныя идеи нашего времени—писали русины—требуютъ, чтобы разнообразныя интересы приведены были къ единству, основанному на равенствѣ. Не достаточна личная равноправность каждаго гражданина передъ лицомъ закона; необходимо и равенство правъ всѣхъ народовъ, живущихъ въ Галиціи. Мы твердо рѣшились отстаивать всѣ права, данныя намъ конституціею, и дружно противодѣйствовать всякому покушенію уничтожить или ослабить эти права.

Рѣшившись дѣйствовать по строго-обдуманному плану, русины открыто и смѣло заявили свой образъ мыслей. Мы не желаемъ—говорили они—отдѣленія отъ Австріи и соединенія съ Польшею, ибо чувствуемъ, что подъ польскимъ владычествомъ не можемъ быть счастливы: мы дознались этого опытомъ многихъ вѣковъ, и готовы были забыть давнюю кривду, но настоящее поведеніе Поляковъ растравило глубокую язву. Если Поляки теперь, когда засвѣтилъ имъ только слабый лучъ надежды, такъ поступаютъ съ нами, то что ожидало бы насъ, если бы они добились полной самостоятельности и полной власти надъ нами! И темпераменты и духовныя особенности отдаляютъ русиновъ отъ Поляковъ, и если бы, вопреки природѣ, соединить ихъ въ одно политическое тѣло, оно бы неминуемо должно было распасться, какъ распались Нидерланды послѣ 1830 года: между поляками и русинами произошло бы такое же столкновенье, какъ между голландцами и бельгійцами. Русины, разъ освобожденные, не пойдутъ ни въ какую неволю; народъ требуетъ теперь покоя, чтобы излѣчиться отъ понесенныхъ ранъ и тяжелой немочи; онъ желаетъ остаться при Австріи тѣмъ болѣе, что при теперешней конституціонной свободѣ надѣется жить счастливѣе, чѣмъ жилъ доселѣ. Мы должны держаться Австріи еще и потому, что возвращенья подъ польскую власть боимся какъ

(*) «Панъщина и данина знесени. Вже не будуть доминія и мандаторы, але громада буде си сама выбирала свою старшину громадску спомежи себе. Будуть явни суды присяглыхъ въ очехъ людей, абы того, котрый провинить, не минула кара, и абы невинный не бувъ караний. Каждый житель краю есть ровный передъ правомъ. Цѣсарь нашъ, нѣмъ подпише и выдасть право, буде собирати сеймъ, на котрый жителѣ краю вольнымъ голосомъ мають си обирати депутатовъ, котрымъ могутъ завѣрити, абы ти належито ихъ потреби и нужды оповѣли, и добри права обрадили. Министры будутъ передъ народомъ и сеймомъ одповѣдательными. Вольно также теперь людямъ закладати рады, абы правды доходили, и вольно хотѣ кому правду сказати и писати, абы правда була на свѣтѣ».

величайшаго народнаго бѣдствія. Какъ сосѣди и впоследствии подданные Польши, мы вблизи присмотрѣлись къ образу дѣйствій Поляковъ, и вполне убѣдились, какъ невѣрно понимаютъ они свободу. Они хотятъ быть свободными исключительно, и притомъ такъ, чтобы имъ вольно было угнетать свой собственный народъ, и, при слабомъ правительствѣ, сдѣлаться неограниченными сатрапами надъ селами и деревнями. Мы же, Русины, — мирный, тихій, земледѣльческій народъ, живемъ трудами рукъ своихъ, и у насъ совсѣмъ иное понятіе о свободѣ. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы еще не созрѣли: мы такъ долго были рабами, что, быть можетъ, не успѣли еще созрѣть, да и не желаемъ достигнуть зрѣлости, чтобы не отвѣдать хваленной польской свободы. Если же мы созрѣли, то приносимъ Полякамъ полную благодарность за ихъ неотвязчивую, своекорыстную опеку. Намъ дорога свобода; но никакія заманчивыя обѣщанія не обманутъ насъ, наученныхъ долгимъ историческимъ опытомъ и печальною современною утѣствительностью. Свидѣтельствуемъ Богомъ, что мы искренно любимъ свое отечество; но именно потому, что мы его искренно любимъ, мы не можемъ предать его на жертву анархіи. Поляки представили довольно доказательствъ, что они храбро дерутся, и умѣютъ рыцарски поступать съ непріателемъ; но они ничѣмъ не доказали, что въ нихъ есть сила самообладанія и умѣнье мудро и прочно устроить свои внутреннія дѣла. Все это заставляетъ насъ держаться конституціонной Австріи, въ надеждѣ, что посредствомъ этого союза мы достигнемъ того благосостоянія, которое возможно только въ обществѣ, основанномъ на либеральныхъ началахъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Русины довѣряли не искренности Австріи, а силѣ обстоятельствъ, полагая, что она удержитъ Австрію, для ея собственной выгоды, на конституціонномъ пути. До объявленія конституціи, Русины много разъ высказывались противъ Австріи, но австрійское равнодушіе казалось имъ менѣе опаснымъ, нежели польскій фанатизмъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ: «Подъ владычествомъ Австріи (съ 1772 г.) улучшился матеріальный бытъ, но о возвышеніи русинской народности не заботились. Поляки же не переставали стараться объ ея уничтоженіи, желая вознаградить потерю самостоятельности расширеніемъ своей народности насчетъ Русиновъ. Австрійское правительство повидимому стремилось слить объ народности въ одну, и во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, преимущественно въ послѣднее время, имѣло въ виду только Поляковъ, польскій языкъ

и католическую вѣру—быть можетъ потому, что у Русиновъ не было дворянства, не было представителей, и притомъ же Австрія недовольна была ихъ расположеніемъ къ Россіи. Въ минуту опасности Австрія рѣзко отличала насъ отъ Поляковъ, но бѣда проходила—и снова забывали о насъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ»

Единственное исключеніе составляетъ время Іосифа II. Славяне вообще недружелюбно смотрятъ на дѣятельность Іосифа II, усматривая въ ней цѣль оцѣмечить Славянъ. Чтò же касается Русиновъ, то мѣры Іосифа привели къ другимъ результатамъ. Первою заботою его было облегчить участь крестьянъ, подавленныхъ невыносимымъ гнетомъ (*). Новое правительство заботилось объ улучшеніи крестьянскаго быта, измѣнило условія панщины къ выгодѣ крестьянъ, и поставило преграды необузданнымъ доселѣ посягательствамъ рабовладѣльцевъ. Сознавая, что необходимымъ проводникомъ образованности долженъ быть народный языкъ, Іосифъ предписалъ духовенству, какъ главнѣйшему двигателю образованія въ Галиціи, преподавать и проповѣдывать на родномъ языкѣ. На русинскомъ же языкѣ читались богословскіе и философскіе предметы въ университетахъ, и происходили практическія упражненія и бесѣды воспитанниковъ въ семинаріяхъ. Королевскимъ декретомъ 30 іюля 1783 года учреждена семинарія во Львовѣ съ цѣлью служить разсадникомъ образованія въ русинскомъ народѣ. Сверхъ того, приняты были многія полезныя мѣры для развитія промышленности и торговли и т. д. Все это произвело на Русиновъ самое отрадное впечатлѣніе. Память добра долго хранится въ народѣ, неизбалованномъ судьбою, и поведеніе Русиновъ во время войны Наполеона съ Австріею показало, что они умѣютъ быть признательными даже болѣе, нежели заслуживали ихъ мнимые благодѣтели. Первые времена австрійскаго владычества много выигрывали въ сравненіи съ мрачнымъ царствомъ польскихъ пановъ, когда народъ разоряли налогами, священниковъ выгоняли на панщину, церкви отдавались на аренду жидамъ, высшія учебныя заведенія были недоступны русинамъ и т. п.

Подъ польскимъ владычествомъ Русины лишены были самыхъ необходимыхъ гражданскихъ правъ. Въ большихъ городахъ не имѣли права заниматься ремеслами и торговлею, и когда, въ 1575 году, львовскіе

(*) Eosque etiam (rusticos), quod in nonnullis fit provinciis (Lithuanicis et Ruthenicis) tamquam bestias vendendo (Lelewel's Betrachtungen. 158).

кушцы хотѣли продать свои товары, то лавки ихъ были разломаны, а сами они заключены въ темницу и обложены денежною ценею. Они жаловались правительству на насиліе мѣстныхъ властей, правительство медлило рѣшеніемъ, процессъ тянулся безконечно, и разорилъ искавшихъ правосудія. Въ 1704 году Львовомъ овладѣли Шведы, и наложили на жителей контрибуцію, упавшую всюю своею тяжестью на русинское населеніе города. Впослѣдствіи Карлъ XII облегчилъ дань, но Поляки требовали отъ Русиновъ прежняго взноса, говоря при этомъ, что лучше было бы сжечь русинскія церкви, и на мѣстѣ ихъ поселить Евреевъ. Составленъ былъ цѣлый проектъ, въ которомъ подробно изложены мѣры, ведущія къ тому, чтобы уничтожить русинскую народность и стереть Русиновъ съ лица земли. Проектъ составленъ былъ, вѣроятно, при Сигизмундѣ III (1587—1632), но сдѣлался извѣстнымъ только въ 1717 году.

Цѣлостъ и безопасность государства—говоритъ польскій патріотъ—основывается на взаимной любви гражданъ, которая утверждается преимущественно единствомъ религій. Поэтому, прямая обязанность какъ государственныхъ чиновъ, такъ и всякаго поляка преслѣдовать православныхъ Малоруссовъ и стараться подавить ихъ всеми способами: презрѣніемъ, оскорбленіями, угнетеніемъ и средствами еще сильнѣйшими. Для блага своего отечества блюститель польскихъ интересовъ предлагаетъ или ополячить Малоруссовъ или истребить, рекомендуя слѣдующія мѣры:

1) Малоруссовъ не допускать ни къ какимъ должностямъ, особенно же къ такимъ, на которыхъ они могутъ пріобрѣсть друзей, заслужить общее уваженіе и принести честь своему народу. Въ обществѣ поляки должны явнымъ образомъ показывать, что они гнушаются малоруссами, и въ присутствіи ихъ порицать ихъ вѣру, и т. п. Тогда навѣрное можно сказать, что каждый малоруссъ скорѣе рѣшится отказать отъ своей вѣры и народности, нежели всю жизнь подвергаться подобнымъ оскорбленіямъ.

2) Граждане, имѣющіе значительное состояніе, не должны давать у себя Малоруссамъ такихъ мѣстъ, на которыхъ они могли бы получить нѣкоторое образованіе. Посредствомъ этого они впадутъ въ крайнее невѣжество и нищету, и будутъ прозябать въ самомъ жалкомъ состояніи.

3) Такъ-какъ въ городахъ живетъ много достаточныхъ Малоруссовъ, то и ихъ надо привести къ нищетѣ и невѣжеству, чтобы они

не могли помогать своимъ соотечественникамъ ни деньгами, ни совѣтомъ. Для этого надо въ самыхъ многочисленныхъ мѣстахъ городовъ поселить Евреевъ, которые своею ловкостью отобьютъ все доходы у Малоруссовъ, и принудятъ ихъ выселиться въ предмѣстья, а затѣмъ имъ не избѣжать и панщины.

4) Главное препятствіе къ выполнению проекта представляютъ православные епископы и священники; но на первыхъ надо дѣйствовать лестью и обѣщаньями выгодъ, а на вторыхъ угрозами и насиліемъ, чтобы убить въ нихъ всякое стремленіе къ дѣятельности. Въ епископы слѣдуетъ выбирать лица, находящіеся въ родствѣ съ католиками, ибо часть состоянія они при своей жизни раздарятъ католической роднѣ, а часть наследуютъ, по смерти ихъ, не Малоруссы, а Поляки.

5) Надо всячески стараться, чтобы священническія мѣста занимаемы были людьми неженатыми: если не будетъ женатыхъ поповъ, то не будетъ и поповичей, и за отсутствіемъ ихъ придется обратиться къ крестьянскимъ дѣтямъ, а такъ какъ они—страшные невѣжды, то вмѣсто православныхъ священниковъ будутъ назначаемы католическіе.

6) Всего упорнѣе тѣ изъ простаго народа, которые знаютъ грамотѣ: они имѣютъ большое вліяніе на народъ. Чтобы помочь бѣдѣ, надо сломить упорство въ самомъ корнѣ, а это сдѣлать очень легко. Стоитъ только закрыть находящіеся при церквяхъ школы для крестьянскихъ дѣтей, и настрого приказать экономамъ и управляющимъ, чтобы дѣти крестьянъ не смѣли брать книги въ руки, и знали только соху, лопату и заступъ.

7) Подобныя мѣры могутъ произвести возстаніе въ Малороссіи. Въ такомъ случаѣ необходимо Малоруссовъ истребить поголовно; если же польская армія не въ состояніи будетъ этого исполнить, то отдать ихъ въ вѣчное рабство татарамъ, и т. д. (*).

Приведенный проектъ говоритъ самъ за себя. Русины вынуждены были указать на подобные факты, потому что противная сторона ссылалась на историческія данныя, искажая ихъ по требованію памфлета. Вообще, приводя историческія свидѣтельства, русины поступали съ большою осторожностью и тактомъ, чтобы не раздувать вражды, для которой столько пищи было, къ сожалѣнію, и въ настоящемъ. Ихъ глубоко оскорбляли несправедливые укоры и клеветы, отъ которыхъ

(*) Supplementum ad historica Russiae monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta. 1848 p. 221 — 226.

не спасали ихъ ни ихъ жестокая доля, ни прямой, вполне либеральный и въ высшей степени честный образъ дѣйствій.

Развитіе русинской народности, подъ охраною конституціи, называли реакціею. Требовали, чтобы русины помогли полякамъ отдѣлиться отъ Австріи, и, отрекшись отъ своей народности, отдали себя въ неволю. Русиновъ, носившихъ на шляпахъ эмблему своей народности,—золотого льва и желтоглазую кокарду, оскорбляли публично. Кричали: «свобода, братство!», и преслѣдовали насмѣшками и злобою вождей русинскаго движенія. Посягали даже на главнѣйшій залогъ гражданской свободы—народную раду; являлись на сходы, чтобы помѣшать образованію радъ, и заставить Русиновъ подчиниться чужой народности. Тяжко заболѣло русинское сердце, когда, въ первый же день конституціонной жизни, Поляки, всюду толковавшіе о братствѣ, съ Русинами поступили вовсе не побратски, и не допустили упомянуть въ адресъ ни о русинскомъ языкѣ, ни о русинской народности, и публично стали кричать: «прочь, Русины!»

Чтобы парализировать русинскую раду, Поляки устроили раду польско-русскую изъ ополяченныхъ русиновъ, порвавшихъ всѣ связи съ народомъ. Въ первомъ собраніи ея читали адресъ Русиновъ, и утверждали, что русинская рада не есть голосъ всего народа, а только касты духовныхъ и бюрократовъ, какъ видно изъ того, что въ адресѣ говорится о благихъ дѣйствіяхъ австрійскаго правительства, о которыхъ никто не знаетъ, и конецъ адреса дышетъ рабствомъ, недостойнымъ свободнаго народа. Отражая несправедливый укоръ, Русины обращаются къ своимъ отпавшимъ братьямъ съ такою рѣчью:

«Вы признаете себя нашими братьями и защитниками нашей народности; но, скажите, приходила ли вамъ на сердце мысль о Русинской Землѣ, задумывались ли вы надъ долею народа, которая срослась съ душою Русина, смѣшалась съ его кровью? Вздохнули ль вы хотя половиною груди надъ бѣдною, темною, горькою долею народа? Нашъ адресъ не грозитъ бурями и кровопролитіемъ, да и зачѣмъ лить кровь, когда мирнымъ путемъ можно вѣрнѣе достигнуть цѣли? Мы не скрывали, что и подъ австрійскою державою было много кривды; самая подача адреса и заявленіе о необходимости новаго порядка вещей показываетъ, что мы недовольны прежнимъ, австрійскимъ. Но спросите вашихъ собственныхъ отцовъ и дѣдовъ: они вамъ скажутъ, что австрійское нго (при Іосифѣ II) казалось чуть не раемъ въ сравненіи съ польскимъ....»

Польская, польско-русская и русская партіи были представлены аллегорически въ баснѣ: волкъ, лисица и баранъ. Волкъ передумилъ много овецъ, Небо его наказало: отняло у него силу, и его заковали въ желѣза. Въ одно утро, ему облегчили неволю, и онъ перемѣнилъ обращеніе съ бараномъ, даже называлъ его братомъ. Лиса, подученная волкомъ, надѣла овечью шкуру, и говоритъ барану: я твоего роду, будемъ дѣйствовать вмѣстѣ. Но баранъ, хотя съ виду и просто-вато, сразу понялъ въ чемъ дѣло, и посмѣялся волчьей и лисьей хитрости (*).

Цѣль истой русинской рады указана въ воззваніи. Представители Русиновъ сочли нужнымъ объяснить ее подробнѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые старались унижить святое дѣло, выдумывая злыя и несправедливыя цѣли: распускали слухи, что Русины выступаютъ по наущенію чиновниковъ, и тѣмъ производить раздвоеніе между народами, живущими въ Галиціи. Доселѣ мы не имѣли свободы, — возражали русины — и оттого упала народность наша, обѣднѣлъ народъ нашъ, и люди сильные оставили бѣдный кровъ своей матери, и предпочли ему чужіе дома за ихъ лучшее убранство. Но какъ весною все измѣняется, и казавшееся мертвымъ воскресаетъ къ новой жизни, — такъ съ конституціей должно миновать наше омертвѣніе, и народъ, согрѣтый солнцемъ свободы, возсталъ самъ, движимый собственной жизненною силою, и не нуждаясь для своего движенія въ постороннемъ содѣйствіи.

Что Русины дѣйствовали въ духѣ народа, доказывается и тѣмъ, что воля народа и дѣйствія его представителей заявляемы были въ радахъ, и что во главѣ движенія стояли люди, выбранные народомъ.

(*) Вовкъ, другъ лиса, много грѣшивъ —

Не одну овцю здушивъ,

Але неба го скарали,

Бо му силу одобрали,

И желѣзомъ оковали.

Скомлѣвъ, кричавъ безъ устанку,

Ажъ одного-ось поранку

Казади му попустити,

Тяжку долю полегшити,

Чи не схоче ся змѣнити.

—

Скоро було вже му лучше,

Выйшовъ въ поле, и нужъ худше

До барапа промовляти,

Своимъ братомъ називати

И до себе запрашати.

А баранецъ щиро каже:

«Не зводивбысь мене, враже!»

«Не годѣ мнѣ съ тобовъ жити,

«Ты хочешъ мене злестити,

«А потому одушити».

Въ томъ лисъ, вдягши овчу скору,

Бы ствердити вовка вѣру,

Каже: «и я твого роду,

«Ходи, брате, безъ заходу,

«Не мутѣмо одность, згоду».

А баранъ на лиса швидко

Зиркъ, та й каже: хвостъ ти видко,

Вжесь ся здрадивъ нимъ, небоже,

Якесь гадавъ? визнаи! щожѣ?

Подступъ вкрити ся не може. —

глубоко ему сочувствующіе и вполне знающіе его бытъ, нужды, образъ мыслей и характеръ. Народъ по-своему радовался конституціи, и недоброжелательно смотрѣлъ на противодѣйствіе новому порядку вещей. Онъ считалъ врагами своими тѣхъ, которые вмѣшивались въ его дѣла, и умышленно сообщали ему невѣрные извѣстія, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Люди образованные старались помирить двѣ народности, и доказывали народу, что «между Русинами также найдутся такіе, которые готовы разглашать неправду; хотя между Поляками нѣкоторые и показали себя дурно, но тотъ сильно ошибется и поступитъ несправедливо, кто по немногимъ сдѣлаетъ заключеніе о цѣломъ народѣ; большая часть Поляковъ — люди хорошіе и правдолюбивые» и т. д. Но у народа своя логика. О дѣйствіяхъ Поляковъ судилъ онъ по тѣмъ случаямъ, когда видѣлъ ихъ въблизи и говорилъ съ ними о новыхъ порядкахъ. Весьма невыгодно подѣйствовало на народъ слѣдующее обстоятельство. Когда надо было выбирать депутатовъ на вѣнскій сеймъ, явились въ села польскіе агенты, и стали отговаривать отъ выборовъ. Одни говорили: все то *брехня*, что вамъ читали комисаръ и попъ въ церкви, не выбирайте, потому что всякаго, кто попробуетъ поѣхать въ Вѣну, будутъ тамъ безъ милосердія бить, и ужъ онъ навѣрно назадъ не вернется. Другіе говорили: не идите на выборы, добрые люди, и другихъ отговаривайте, потому что въ Вѣнѣ собираютъ подписи на панцину. Страхъ панцины такъ подѣйствовалъ на народъ, что въ нѣкоторыхъ околицахъ выборы не состоялись, а вслѣдствіе этого поѣхало на сеймъ большинство Поляковъ. Народъ не могъ простить такого лукавства, и отметилъ за него пословицей. Не правилось народу и то, что на сходкахъ и въ домахъ стали появляться переметчики; въ представленіи его не вязались «свобода, братство, правда,» съ появленіемъ тайной полиціи, которая «зъ патріотизму больше бреше, нежели давнѣйша за гроши брехала».

Слухъ о конституціи распространился повсюду въ Галиціи; жители городовъ и селъ толковали о важной новости, но въ этихъ толкахъ иногда слышалось недоумѣніе, все ли пойдетъ по-новому, и что за диковинка такая эта конституція. Какъ только объяснялась сущность ея примѣнительно къ понятіямъ селянъ, здравый смыслъ народа сознавалъ, что это великое добро. Одно только не вдругъ было понято большинствомъ, именно то, отчего общую радость раздѣляютъ Поляки? значить—думали крестьяне—конституція что-то такое, что выгодно полякамъ, а что хорошо для Поляковъ, то дурно для нашего брата: на-

родъ понималъ свободу не иначе, какъ въ смыслѣ освобожденія отъ Ляховъ, т. е. отъ панщины. Писатели и духовные старались просвѣтить народъ въ этомъ отношеніи, и расположить его къ Полякамъ, свободнымъ отъ панскихъ притязаній. Народные толки по поводу неожиданной новизны представлены въ «разговѣ о конституціи» между Василемъ, Андреемъ, старшимъ братомъ Григоріемъ и священникомъ:

Василь. У всѣхъ на шляпахъ цвѣты: что это значитъ, что изъ этого выйдетъ?

Андрей. Не знаешь, такъ я тебѣ скажу: Ляхи будутъ нами орать, будутъ насъ вѣшать, какъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Григорій. Толкуешь ты такъ и сякъ. Не штука слѣпить дурную небылицу, но надо знать правду. Вотъ я былъ въ городѣ, и мнѣ много кой-чего порасказали: и что есть какая-то конституція и что есть вольность, и много другаго говорили, да голова моя старая не беретъ: они ли не умѣли мнѣ растолковать, я ли не сѣумѣлъ ихъ понять, только и самъ не знаю, что и сказать вамъ.

На эти слова входитъ *панъ-отецъ*, и объясняетъ дѣло общедоступнымъ сравненіемъ.

Священникъ. Помнишь ли, Григорій, какъ пять лѣтъ тому назадъ, я освящалъ у тебя домъ. Отчего у тебя тогда не родилъ садъ и засохли деревья? Оттого, что застарѣлъ; но что же въ немъ состарѣлось? вѣдь были и молодыя деревья, а не цвѣли? Ладъ, порядокъ въ немъ состарѣлся: одно другое глушило, одно другому не давало расти, а вѣдь каждое деревцо хочетъ свободы и яснаго солнышка. А какъ пересадили садъ, выкопали негодное, выбросили камеша, обчистили деревья, все зазеленѣло и пошло вверхъ. Вотъ, какъ въ твоёмъ саду, такъ теперь между людьми заводится новый ладъ. Старый ладъ, по которому люди жили и рядились, теперь состарѣлся. Нѣтъ на свѣтѣ мудреца, который бы далъ законъ, годный на всѣ времена. Тоже случилось и съ нами. Чувствовали люди, что старый порядокъ тѣснитъ и глушитъ ихъ, терпѣли долго, наконецъ стали просить новаго порядка, съ тѣмъ, чтобы не ставить никакихъ законовъ безъ народной рады и совѣщаться съ народомъ обо всемъ, что ему нужно и чего не нужно.

Василь. А для чего же это?

Григорій. Ты еще молодъ, не знаешь, какъ чему слѣдуетъ быть на свѣтѣ. Если бы моя грушевка могла говорить, то и узнали бы, что корень у ней подточенъ: каждый про себя лучше всѣхъ другихъ знаетъ, что ему нужно.

Священникъ. Такъ, такъ, мой Григорій! Люди—какъ дѣти у отца: пока маленькіе, надо самому за ними смотрѣть, а какъ наберутся ума, надо съ ними совѣтоваться.

Василь. Да развѣ прежде люди были маленькіе?

Священникъ. Люди были, какъ и всегда, и маленькіе и большіе, да не имѣли того разума, что теперь, а нынче чуть не у каждого въ головѣ просвѣтлѣло; оттого и власти будутъ совѣщаться съ народомъ, и чего люди не захотятъ, того имъ никто не можетъ навязать. Такой порядокъ называется конституціею; и теперь уже не самъ царь, а царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ управлять нашимъ краемъ. Оттого и радость такая, какъ на Свѣтлое Воскресенье, оттого-то и цвѣты у вѣхъ на шляпахъ; а гдѣ цвѣты на деревѣ, тамъ надѣмся и плодовъ...

Проводя подобныя мысли, духовенство честно исполняло обязанность свою передъ народомъ. Вообще, положеніе русинскаго духовенства таково, что оно не только не составляетъ отдѣльнаго лагеря, который можно бы назвать клерикальною партіею, а само стремится къ тому, чтобы дѣйствовать заодно съ народомъ, дѣло котораго признаетъ святымъ и правымъ. Оно смотритъ на селянъ, какъ на своихъ братьевъ, вытерпѣвшихъ съ нимъ тяжелыя бѣды и несчастья. Въ свою очередь, и народъ сохраняетъ добрыя отношенія съ своими пастырями—и потому, что они самые свѣдущіе люди въ краѣ, и потому, что они всегда въ ладу съ народомъ, и потому наконецъ, что на нихъ особенно направлено постоянное преслѣдованіе со стороны враговъ. Самъ Костюшко признавалъ это, и въ прокламаціи своей, обращаясь къ русинскому духовенству, говорилъ: «ваша судьба, самая жизнь ваша вѣчно подавляема была несправедливымъ гнетомъ, и положеніе ваше до сихъ поръ самое ужасное; свободные и независимые Поляки облегчатъ вашу тяжелую участь (*).»

Связь духовенства съ народомъ не имѣетъ поддержки въ фанатизмѣ, чуждомъ русинскому народу, у котораго любовь къ родинѣ несравненно сильнѣе клерикальныхъ пристрастій. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Русины сближаются съ Чехами. Если и возникаютъ иногда столкновенія съ католиками, то это происходитъ или оттого, что необходимо отразить попытки насильно ввести католичество, а съ нимъ и чужую народность, или же въ томъ случаѣ, когда

(*) *Ergänzungsblätter zur österreichischen zeitschrift für geschichts-und staatskunde.* 1835. s. 10.

противная сторона впадаетъ въ мистицизмъ. Большою же частью Русины не вдаются въ полемику, а спокойно предоставляютъ на судъ всѣхъ и каждого подобныя возгласы своихъ противниковъ: «Поляки призваны докончить дѣло христово; жертвою христіанства былъ Христосъ, жертвою совершенія христіанства—Христосъ—народъ (т. е. Поляки). Христосъ—народъ скоро сядетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и всѣ станутъ передъ страшнымъ судомъ его, и горе тогда королямъ, французамъ, нѣмцамъ, москалямъ, а горше того, и сто разъ горше, его ближайшимъ родичамъ (т. е. Русиnamъ), которые не хотятъ признать божественнаго призванія Польши, и производятъ раздвоеніе между братьями».

Такъ какъ въ русинскомъ народѣ нѣтъ фанатизма, то отношенія его къ духовенству опредѣляются большею или меньшею преданностью духовныхъ лицъ народному дѣлу. Нѣкоторые изъ нихъ доказали преданность свою въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и за то подверглись нареканію отъ враговъ русинскаго движенія. Хотите ли знать,—пишетъ одинъ сельскій житель—отчего распускаютъ дурныя слухи о владыкѣ, предсѣдателѣ рады, и о русинскихъ священникахъ? Оттого, что владыка нашъ и священники крѣпко стали за народъ, и съ твердостью, во всеуслышаніе, сказали: «мы—Русины, и хотимъ остаться Русинами!»

Въ двусмысленное отношеніе къ народу поставлены нѣкоторые изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Положеніе ихъ весьма затруднительно. Съ одной стороны, австрійское правительство старается сдѣлать ихъ орудіями для своихъ цѣлей; съ другой—неутомимо дѣйствуетъ римская пропаганда. Уніатскимъ епископамъ предоставляются различныя преимущества, смотря по степени покорности ихъ католическимъ властямъ. Желаніе получить выгоды кардинальскаго сана заставляютъ честолюбивыхъ епископовъ входить въ разныя сдѣлки съ римскимъ дворомъ, и даже раздавать паствѣ своей индульгенціи. Удивительный анахронизмъ,—раздача индульгенцій, противъ которой возставали уже въ пятнадцатомъ столѣтіи, происходить въ Галиціи во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

По вѣрному исчисленію,—сказано въ напечатанной во Львовѣ въ 1859 году индульгенціи,—на всемъ земномъ шарѣ умираетъ каждыя сутки восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Объ умирающихъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ должно три раза въ день читать слѣдующую молитву: «О всеблагій Іисусе, любителю душъ! молю Тя, черезъ ко-

наніе сердца Твоего и черезъ болѣзнь Матери Твоея непорочныя, омый въ крови Твоей грѣшниковъ всего міра, теперь въ конаніи зостающихся и нынѣ еще умерти имѣющихъ. Сердце Иисусово конающее, помилуй конающихъ! аминь.» За каждое «отмовленіе набожное» этой молитвы, папа Пій IX далъ сто дней отпуста, а кромѣ того, разъ въ мѣсяцъ полный отпустъ для тѣхъ, которые читали ее три раза въ день въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Всѣ эти отпусты можно также жертвовать за души, страдающія въ чистилищѣ. Затѣмъ помѣщены «воздыханія съ отпустами»:

«О Иисусе мой, милосердіе подай!»—сто дней отпуста, Пій IX. 1846.

«Благословенно да будетъ непорочное зачатіе Пресвятыя Дѣвы Богородицы»—сто дней отпуста, Пій VI. 1793.

«О Госпоже моя, о мати моя, помяни мя, сохрани мя и соблюди мя, яко твой есмь азъ»—сорокъ дней отпуста, Пій IX. 1851.

Последнее обвиненіе, взводимое на Русиновъ, состоитъ въ томъ, что они черезъ—чуръ любятъ свой языкъ, и дѣлаютъ его орудіемъ для дурныхъ цѣлей. Мнѣніе, что родной языкъ надо любить, но только не очень, до-того наивно, что его нельзя даже опровергать. Для уясненія другаго упрека надо замѣтить, что дурными цѣлями австрійскіе бюрократы называютъ то обстоятельство, что Русины видятъ въ языкѣ вѣрнѣйшій залогъ спасенія своей народности, и въ заботахъ своихъ о немъ также стремятся быть независимыми отъ австрійской опеки, какъ и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности. Обработка отечественнаго языка составляетъ предметъ большихъ усилій, думъ и соображеній русинскихъ писателей; преданные одному дѣлу, они расходятся въ средствахъ для достиженія ихъ общей цѣли: одни исключительно держатся народнаго языка, областныхъ говоровъ, другіе считаютъ необходимымъ обращаться къ языку церковнославянскому, какъ неизбѣжному элементу при образованіи литературнаго языка всѣхъ юговосточныхъ Славянъ. Последнее направленіе обнаруживается преимущественно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ въ виду читателей образованныхъ, знающихъ и народный языкъ и старославянскій, или, «старорусскій», какъ называютъ его Русины. Большинство образованныхъ Русиновъ—какъ утверждаетъ «Галицкая Зоря»—держится того мнѣнія, что самый есте-

ственный путь для развитія русинскаго языка—тотъ же, что и для русскаго литературнаго, т. е. чтобы «простонародное нарѣчіе дополнялось непрестанно словами нашего старорусскаго языка». Исходя отъ этой точки, писатели все болѣе и болѣе сближали книжный русинскій языкъ съ русскимъ литературнымъ.

Сближеніе русинскаго языка съ русскимъ показалось австрійскому правительству очень опаснымъ въ политическомъ отношеніи—и вотъ рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ литературнаго направленія. Стремленіе сближить русинскій языкъ съ старославянскимъ и русскимъ стали называть опасною мечтою горячихъ умовъ, непрактическою затѣю молодаго поколѣнія, и т. п. Чѣмъ болѣе вооружались противъ безвреднаго стремленія, тѣмъ болѣе оно пріобрѣтало популярности. Известно, что самый невинный и даже самый достойный предметъ можетъ упасть въ общемъ мнѣніи, если сильные міра возьмутъ его подъ свою опеку, вмѣсто того, чтобы предоставить свободному выбору каждаго. Казалось бы, что направленіе, защищавшее народный языкъ, его чистоту и неприкосновенность, должно непремѣнно взять верхъ надъ всякимъ другимъ; но на дѣлѣ вышло иначе. Главнѣйшая причина такого явленія заключается въ томъ, что австрійскія власти приняли подъ свое покровительство всѣ книги и изданія на такъ—называемомъ чисто—народномъ языкѣ, и поощряли авторовъ, упавшихъ въ общественномъ мнѣніи уже потому, что дѣятельность ихъ получила официально—австрійскій оттѣнокъ (*). Различіе въ языкѣ зависитъ не только отъ характера сочиненій, но и отъ мѣста ихъ появленія. Въ книгѣ, изданной въ Галиціи, часто поражаетъ пестрота языка, смѣсь областныхъ говоровъ съ полонизмами; въ книгѣ же вышедшей въ Венгріи, языкъ гораздо чище и очень близокъ къ русскому. Тотъ же самый актъ, обнародованный на нѣмецкомъ языкѣ, передается въ уг-

(*) Ср. «Auch wird den begabten ruthenischen schriftstellern schon demnächst eine sehr ehrenvolle und nützliche Aufgabe gebothen werden, indem das hohe k. k. ministerium für kultus und unterricht dringend anempfohlen hat. dass sobald als möglich die herstellung entsprechender ruthenischen lehrbücher der religion für gymnasien in angriff genommen werde, wobei dasselbe hohe ministerium jede unterstützung grossmüthig zuzusichern geruhet hat, — wie denn überhaupt jede preiswürdige schriftstellerische leistung in ruthenischer volksmundart zu gunsten der schulen und zur verbreitung gemeinnütziger kenntnisse unter dem volke auf die unterstützung von seite der kaiserlichen regierung mit zuversicht zu rechnen hat.» Vom gr. kath. metropoliten — ordinariate, Lemberg am 25 november 1853.

нетенномъ Львовѣ иначе, нежели въ болѣ свободномъ Офенѣ. Вотъ одно изъ доказательствъ :

ВО ЛЬВОВѢ:

Условія уговора взглядомъ службы оставляются свободной умовъ обоимъ сторонамъ. — Условія, которыя не соглашаются съ приличною кривостью домовою, або сопротивляются певнымъ предписаньямъ заказовымъ, суть неважными, и повинны належити кару стягнути такъ на службодавцевъ, якъ и на слугъ.

Все, що въ семъ порядку взглядомъ слугъ о службодавцѣ сказано, дотычнется такожъ и его заступника, позаколько не относятся поединкой изъ тѣхъ постановлений, ведля истоты рѣчи самой, исключительно лишь до особы службодавца самого.

ВЪ ОФЕНѢ:

Условія заключаемаго договора предоставляются сторонамъ на волю. —

Условія, неумѣстныя съ благочиниемъ порядочнаго дома, или противящіяся предписаньямъ для слугъ и служанокъ, считаются ничтожными, и какъ хозяинъ такъ и слуга или служанка, согласившіеся на оныя, должны быть подвержены наказанію.

Гдѣ въ настоящемъ уставѣ упоминается о хозяинѣ, то постановленія, касающіяся его, должны разумѣться также и о его намѣстникѣ, на сколько они не касаются исключительно хозяина.

Всѣ, приведенные нами, факты показываютъ, что обвиненія, которыми подвергались и отчасти подвергаются Русины, не имѣютъ твердаго основанія, и пропеваютъ въ—сущности оттого, что Русины не хотѣли и не хотятъ умереть заживо. Событія 1848 года дали Русинамъ возможность высказаться ясно и опредѣленно; народъ получилъ право голоса; требованія, заявленныя ими въ 1848 году, были голосомъ свободного народа, — лучшаго судьи въ дѣлахъ, касающихся его политическаго и общественнаго устройства. Основываясь на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ самого народа и его предстателей, можно и должно вывести такое заключеніе о дѣйствіяхъ русиновъ въ 1848 году, опредѣлившемъ дѣятельность ихъ и на будущее время.

Во взглядѣ на происходившія событія и въ отношеніяхъ къ общественнымъ дѣятелямъ Русины оставались вѣрны демократической основѣ своего быта и демократическому закалу своихъ убѣжденій. Руководствуясь имъ, они не сочувствовали стремленіямъ польской партіи, потому—что видѣли въ ней аристократическое начало, проявлявшееся то въ панщинѣ, то въ презрѣніи другихъ народностей. На томъ же

основаніи они неблагоприятно смотрѣли на Венгровъ, державшихъ себя гордо въ отношеніи къ своимъ меньшимъ братьямъ—оторваннымъ частямъ славянскихъ племенъ, разбѣяннымъ по венгерской землѣ. Взглядъ Русиновъ выразился въ слѣдующихъ словахъ: «кажется, гордымъ мадьярамъ придется признать одинаковыя права всѣхъ народностей, и *илл-хетская* мадьярщина расплывется въ австрійской монархіи.» Этими словами объясняется, между прочимъ, почему Русины защищали конституціонную Австрію: они представляли ее себѣ чѣмъ-то безличнымъ, отвлеченнымъ, подводящимъ подъ одинъ уровень всѣ народности, и тѣмъ самымъ ограждающей право каждой изъ нихъ на самостоятельное существованіе. Впослѣдствіи, Венгры измѣнили свой образъ дѣйствій, признали права каждой народности, и тѣ же самые Славяне, которые въ 1848 году были заклятыми врагами Венгровъ, сдѣлались ихъ лучшими друзьями во время итальянской войны и венгерскаго движенія. Примѣръ Венгровъ въ высшей степени важенъ для всѣхъ угнетаемыхъ народовъ, подверженныхъ одинаковой участи, и выступающихъ на бой, для освобожденія себя отъ гнета ихъ общаго врага. Можно положительно сказать, что всякій народъ, въ какихъ бы враждебныхъ отношеніяхъ ни былъ онъ съ Русинами, найдетъ въ нихъ искреннее, братское сочувствіе и поддержку, если только такъ же искренно признаетъ права русинской народности.

Требуя правъ себѣ, Русины свято дорожили правами другихъ. Девизомъ ихъ было: «признавай за другими ту же свободу, которой добиваешься для себя.» Въ спорѣ съ польскою партіею слышались разные тоны, отъ спокойнаго до восторженнаго и страстнаго; но весь споръ относился отнюдь не ко всему польскому народу, а только къ одной партіи, и именно потому, что она не была голосомъ народа. Русины утверждали, что польская рада не можетъ назваться народною, потому что народъ не признаетъ ея даже въ тѣхъ округахъ, которые заселены исключительно Поляками. Что касается не партіи, а собственно народа, то Русины обращались къ нему съ сочувствіемъ, помня, что онъ вмѣстѣ съ ними терпѣлъ отъ пановъ, и не питалъ враждебныхъ чувствъ, руководившихъ партіями. Въ первомъ воззваніи свободныхъ Русиновъ говорится уже о необходимости жить въ единодушіи, любви и согласіи съ польскимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русины признавали неприкосновенность правъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ вѣрованій и убѣжденій. Мысль о равенствѣ всѣхъ и каждого передъ закономъ постоянно проводилась и въ сношеніяхъ съ властями и въ рѣ-

чахъ, обращенныхъ къ народу. Въ адресѣ своемъ, они признали равенство всѣхъ исповѣданій—православнаго, католическаго, армянскаго: уже одно это обстоятельство удаляетъ всякую мысль о религіозной нетерпимости.

Самымъ святымъ для Русиновъ дѣломъ, вызвавшимъ всю силу ихъ духа, было спасеніе своей народности и свободы. «Мы не пойдемъ ни въ какую неволю» — говорили они въ 1848 году. — «Народъ нашъ не поддастся чужой власти; онъ имѣетъ свои природныя особенности, у него свои потребности и цѣли, которыя никто не можетъ знать такъ хорошо, какъ онъ самъ.» Русины требовали конституціи, свободы совѣсти и слова, равноправности лицъ и народностей. Справедливо ли осуждать народъ за то, что онъ, заявивъ подобныя требованія, энергически отстаивалъ права свои на самостоятельность и свободу? Такое осужденіе несовмѣстно съ цивилизаціею девятнадцатаго вѣка, и недостойно политическихъ и общественныхъ убѣжденій, развившихся подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени.

МНѢНІЕ Г. ПАЛАЦКАГО О ПРОИСХОЖДЕНІИ КОЗАКОВЪ

(въ сочиненіи его: Dejní narodu Ceskeho, dil. IV, castka I.)

По смерти Жижики, образовались у Чеховъ и въ другихъ земляхъ: въ Австріи, Моравіи, Силезіи, Венгріи, Польшѣ и Пруссіи, военныя общества, или военныя роты, жившія подъ собственными законами, не признававшія никакой подчиненности, кромѣ повиновенія своимъ вождямъ. Общества эти, или роты, не были сбродомъ грабителей (lupežníků) подобно великимъ ротамъ; онѣ не скрывались, а господствовали явно, считая, себя хранителями закона Божія. Эти военныя общества, или братья, братчики, которыхъ непріатели называли нищими, разбойниками, достигли такого значенія, что нѣкоторое время признаваемы были за самостоятельную силу, распространенную по всеѣмъ странамъ и концамъ Европы. Основаніе и духъ обществъ былъ чешскій, старотаборскій, а тѣло, по выраженію Палацкаго, слагалось изъ сброда людей всеѣхъ націй, людей, занимавшихся военнымъ ремесломъ и предлагавшихъ свои услуги то за плату, то безъ всякаго вознагражденія. Внутреннее устройство обществъ было олигархическое: старшіе и гетьманы собирались на раду и, по общему совѣту, рѣшали, что нужно было предпринять. Военныя чешскія общества, по словамъ Палацкаго, внесли не только новыи способъ веденія войнъ, употребленія иного оружія и тактики, но также имъ принадлежитъ устройство цѣлаго войска и отдѣльныхъ ротъ.

Чешскій способъ веденія войны перешелъ къ сосѣднимъ народамъ: Пѣмцамъ, Полякамъ, Венграмъ, и конечно, говоритъ Палацкій, *отсюда возникла школа русскаго козачества, охранявшаго Западъ Европы отъ Татаръ*. Знакомство сосѣднихъ народовъ съ гуситскимъ способомъ веденія войны, по словамъ Палацкаго, могло произойти двоякимъ путемъ: или чужеземцы приходили къ Чехамъ учиться военному искусству, или чешскіе воины были приглашаемы въ другія страны, то какъ опытные люди въ военномъ искусствѣ, то какъ вожди дружинъ, устроенныхъ по образцу чешскому. Первые изъ чужеземцевъ, приходившихъ къ Чехамъ воевать *за свободу*, были Поляки и Русины Галицкіе. Они приходили зимою 1422 г. подъ предводительствомъ Сигизмунда *Корибута* отъ В. Князя. Лит., *Александра Витолда*, котораго Чехи желали тогда имѣть королемъ.

Вмѣстѣ съ Корибутомъ литовскимъ приходилъ русскій князь *Фридрихъ*, потомокъ Романа Галицкаго изъ рода князей Острожскихъ, о которомъ Длугошъ свидѣтельствуесть, что онъ, отъ долголѣтняго пребыванія у Чеховъ, совершенно очешился и ознаменовалъ себя въ битвѣ при Аустѣ (Авзикъ на Лабѣ). Въ 1438 г. онъ былъ назначенъ княземъ *Прокопомъ Великимъ*, Таборскимъ Гетьманомъ въ Брецлавѣ (Брежцлавѣ, Лютенбургѣ) въ Моравіи, и еще въ 1438 году, упоминается въ Польшѣ, какъ военный помощникъ гуситскаго пана, *Штижки*, изъ Мельштина. Безъ сомнѣнія, его сынъ, или племянникъ, былъ Вацлавъ князь изъ Острова, котораго находимъ (1460) въ службѣ авантюриста *Млодванька*, въ Нейбахѣ, полнымъ гетьманомъ. Неизвѣстно, что случилось съ нимъ послѣ. При скудости историческихъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ тѣхъ временъ и изъ иныхъ странъ, достаточно и этихъ свидѣтельствъ, для подтвержденія того, что воители чешскіе, польскіе и русскіе въ XV стол. находились въ постоянныхъ и пріятельскихъ сношеніяхъ.

Чешское военное искусство, продолжаетъ Палацкій, было извѣстно въ концѣ XV в. въ средней и восточной Европѣ, и въ-особенности въ Польшѣ и Россіи.

Вслѣдствіе чего, возникло въ то время (въ началѣ XVI в.) военное общество, извѣстное подъ именемъ *Козаковъ*, сначала на Украинѣ, а потомъ и въ другихъ земляхъ. Военное искусство козаковъ, которымъ они отличались, какъ отъ Татаръ—своихъ враговъ, такъ и отъ короннаго войска польскаго и русскаго, главнымъ образомъ основывалось на *таборахъ* и подвижныхъ укрѣпленіяхъ, *устраиваемыхъ изъ возовъ*. Наконецъ, все козацкое устройство было буквально то самое, которое мы видѣли, говоритъ Палацкій, въ братскихъ ротахъ въ Венгріи и нѣмецкой землѣ, 30 лѣтъ назадъ предъ возникновеніемъ козачества.

Все это, заключаетъ Палацкій, служить достаточнымъ доказательствомъ, что козачество—не то, которое теперь существуетъ, а то, какимъ оно было въ XVI—XVII в.,—образовалось наподобіе военныхъ ротъ, существовавшихъ у Чеховъ и у другихъ народовъ. Слово казакъ (собственно козакъ), по словамъ Палацкаго, означало у *Славяно-Татаръ* (*) то, что у Сербо-Влаховъ «*Gusar* или *Husar* и *Гайдукъ*»,—у

(*) Намъ остановило странное сочетаніе Татаръ и Славянъ въ одно слово; не знаемъ, признать ли эту комбинацію неточностью выраженія, или г. Палацкій, въ самомъ дѣлѣ, признаесть какое-то Славяно-Татарское общество.

Грековъ Klefta», былъ человѣкъ военный, который, уходя отъ рабства, предавался разбою или грабежу.

Поэтому, заключаетъ Палацкій, неосновательны мнѣнія ученыхъ о происхожденіи козаковъ: *козаки, какъ отдѣльныя личности*, явились вслѣдствіе насилій татарскихъ; козачество, какъ общество военное, какъ сила военная, какъ республика военная, образовалось въ началѣ XVI ст. *наподобіе братскихъ чешскихъ ротъ*.

Признавая вполне важность глубокихъ историческихъ изслѣдованій Палацкаго, не только для исторіи Чеховъ, но и для исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ, мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго чешскаго историографа о происхожденіи козачества.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскія и польскія военныя дружины находились въ частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ чешскими, и что козацкій способъ войны очень похожъ на гуситскій, таборскій, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы козацкое общество образовалось *наподобіе чешскихъ военныхъ ротъ* и подъ влияніемъ послѣднихъ.

Военныя дружины, извѣстныя подъ именемъ козаковъ, являются во второй половинѣ XV в. и едва ли одновременно съ чешскими ротами. Козачество, какъ извѣстно, дѣлилось не на роты, а на полки; рота, въ смыслѣ военного строя, слово чужеземное у насъ, а полкъ древнерусское. Въ удѣльной Руси кромѣ козаческой дружины были и земскіе полки: полкъ Кіевскій, Переяславскій, полки Новгородскіе, Путивльскіе, Курскіе и проч., словомъ, каждый городъ имѣлъ свой полкъ, или земское ополченіе. Слово *таборъ*, въ смыслѣ военного общества, также неизвѣстно было козакамъ; общество ихъ называлось *кошемъ*. Слово *кошъ* означало военный лагерь и было въ употребленіи уже въ XII и XIII в. Въ Новгородской лѣтописи, не помнимъ подъ какимъ именно годомъ, говорится, что Шведы подходили подъ Новгородъ со всѣмъ своимъ кошемъ. Внутреннее устройство въ козацкомъ обществѣ не было олигархическое, какъ въ чешскихъ ротахъ: козаки всѣ собирались на раду и рѣшали дѣла по большинству голосовъ. Это обычай также старорусскій: на вѣче собирався, какъ извѣстно, весь народъ. Зачатки козачества, какъ военного товарищества, мы находимъ въ удѣльной Руси (*). Когда русскіе князья, въ 1224 году, вышли на встрѣчу Монголамъ къ Днѣпру, то къ нимъ на помощь явились вояводы галицкіе подъ предводительствомъ двухъ вождей: *Юрія До-*

(*) Пнатьевская лѣтопись.

морича и Держи-края. Дружина эта по словамъ лѣтописца вышла изъ моря въ Днѣпръ, перешла пороги (возведоша пороги) и остановилась въ прошлогѣ близъ Хортицы — въ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии находилась Запорожская Сѣчь. Русскіе князья не знали Монголовъ, желали полюбопытствовать, что это за народъ невѣдомый; вызвались охотники, молодые князья, съ ними былъ и Доморѣичъ, — посмотрѣть Татаръ. Возвратившись, князья говорили: что Татары хуже Половцевъ, а Доморѣичъ замѣтилъ, что Татары не Половцы, а добрые воины и добрые стрѣльцы. Этотъ замѣчательный эпизодъ, переданный лѣтописцемъ такъ обстоятельно, служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что въ древней Руси существовали вольныя военныя дружины-товарищества, которыя занимались не однимъ грабежемъ, но и защищали Русскую Землю вмѣстѣ съ князьями. Въ 12 в. упоминается и другая дружина, въ г. Берладѣ, (въ нынѣшней Молдавіи, на р. Сертѣ, впадающей въ Прутъ). Дружина эта была очень многочисленна; по свидѣтельству лѣтописца Берландниковъ числилось до 6 т.

Безъ всякаго сомнѣнія, вождемъ этой сбродной дружины былъ знаменитый витязь Иванъ Берладникъ. Откуда взялись эти сбродныя, воинственныя дружины, — отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ исторія народа. Въ древнемъ Галицкомъ княжествѣ, уже въ XII в., боярство начинаетъ дѣйствовать въ своемъ сословномъ интересѣ, обособляется и отъ князей и отъ народа. Заразительный примѣръ сосѣдняго магнатства польскаго и венгерскаго пробудилъ этотъ олигархическій аристократическій духъ въ галицкомъ боярствѣ. Завязалась борьба между князьями и народомъ, — борьба не легкая, потому что боярство находило сильную поддержку въ чужеземцахъ — Ляхахъ и Уграхъ и въ Русскихъ князьяхъ, претендовавшихъ на Галичъ. Боярство галицкое располагало княжескимъ столомъ, предлагая его то тому, то другому изъ многихъ искателей. Вся тягость этой борьбы пала, безъ сомнѣнія, на народъ. Не находя защиты въ князьяхъ, подавленный произволомъ боярства, тѣснимый со всѣхъ сторонъ иноземцами, народъ вынужденъ былъ уходить въ степи Днѣстровскія и Днѣпровскія, гдѣ и образовались эти воинственныя дружины, о которыхъ мы упоминали. Въ подтвержденіе нашихъ выводовъ укажемъ на одно замѣчательное мѣсто лѣтописи: Когда Берладникъ осаждалъ галицкій городъ Звенигородъ, то смерды (простонародье) скакали къ Ивану чрезъ забора (чтезь стѣны городскія). (Не имѣя подъ рукою

лѣтописи, мы не можемъ указать это мѣсто.) Не одни Галичане уходили въ степи и дѣлались Берладниками: и въ другихъ русскихъ княжествахъ было много людей, которымъ не было *мѣста въ Русской землѣ*.

Знаменитый Боголюбскій, которому наши изслѣдователи приписываютъ первую попытку утвердить единовластіе, или, какъ они выражаются, государственныя отношенія вмѣсто родовыхъ, началъ свое единовластіе тѣмъ, что выгналъ изъ Суздальской земли своихъ братьевъ и племянника и старшую отцовскую дружину; изъ Русской земли выгонялъ доблестныхъ Ростиславичей, которые не хотѣли покинуть Кіева, опустошеннаго, ограбленнаго войсками Боголюбскаго. Боголюбскій послалъ сказать Ростиславичамъ, что имъ нѣтъ мѣста въ Русской землѣ, а одному изъ нихъ, кажется, Роману, именно велѣлъ идти въ Берладъ. Очевидно, что изгнанные князья не сами же уходили въ Берладъ: они вели съ собою и дружины, въ которыхъ они не имѣли недостатка. Козачество, какъ мы полагаемъ, имѣетъ свой корень въ исторіи Южнорусскаго народа; исторія эта очень древняя, древнѣе исторіи Русскаго государства; она начинается еще до прихода Варяго-Руссовъ и тянется—съ однимъ духомъ, съ однимъ характеромъ—вплоть до Петра В. Г. Палацкій, какъ видно, имѣлъ подъ рукою русскія исторіи, гдѣ дѣйствительно мало и поверхностно говорится о козакахъ, гдѣ производятся они то отъ Козаръ, то Косоговъ, и гдѣ вообще смотрятъ на нихъ, только какъ на сбродъ людей, занимавшихся войною и грабежемъ.—Замѣтимъ еще, вопреки мнѣнію г. Палацкаго, что козаки, равно какъ и вольныя военныя дружины древней Руси, были опыты въ морскомъ военномъ искусствѣ; ѣздили въ лодкахъ по рѣкамъ и морю. Искусство это принадлежитъ собственно козакамъ и уже никакъ не могло перейти къ нимъ отъ Чеховъ. Что касается возовыхъ укрѣпленій (*hradby vozove*), въ чемъ г. Палацкій видитъ исключительно Таборскій способъ войны, то этотъ способъ могъ быть издавна извѣстенъ козакамъ, такъ какъ они воевали большею-частью въ степяхъ, въ мѣстахъ открытыхъ. Извѣстно, что Русскіе въ XII в. возили оружіе на возахъ, и, вѣроятно, употребляли вѣдло возы, т. е. дѣлали изъ нихъ подвижныя укрѣпленія. Наконецъ, оружіе Гуситовъ не похоже на козацкое. Табориты употребляли косы, топоры, цѣпы и *булавы съ желѣзными шипами*; козаки положительно не употребляли послѣдняго оружія. Мы полагаемъ, что козацкое военное общество было устроено самобытно и своеобразно и знало способъ войны, исключи-

тельно ему принадлежавшій; способъ этотъ, безъ-сомнѣнія, принаровленъ былъ къ мѣстности и условливался разными обстоятельствами, а также и характеромъ народа. Говоря это, мы не отвергаемъ сходства между чешскимъ таборомъ и козацкимъ кошемъ. Козацкія войны, и въ принципѣ, и въ способѣ веденія ихъ, имѣютъ много общаго съ войнами Гуситовъ. Скажемъ наконецъ, что козаки, какъ отдѣльные лица и какъ военныя товарищества-братства, явились не вслѣдствіе татарскихъ насилій, какъ полагаетъ г. Палацкій, а вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, имѣющихъ свой источникъ въ Южнорусской исторіи. Если у Чеховъ явились Табориты, а у насъ Козаки, то это оттого, что историческая судьба обоихъ народовъ въ сущности очень сходна.

Козачество, какъ народъ, какъ военная демократическая республика, образовалось дѣйствительно въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе насилій польскаго правительства, стремившагося подавить Южнорусскую национальность. Аристократическое польское правительство предоставляло своимъ чужероднымъ подданнымъ одно право: быть поляками и вмѣстѣ съ тѣмъ быть католиками; нежелавшіе воспользоваться этимъ правомъ должны были оставаться вѣчными холопами, рабами, что дѣйствительно и случилось съ людовою Русью и Литвою. (Польское дворянство и до-сихъ-поръ осталось вѣрно своему принципу и до-сихъ-поръ повторяетъ знаменитое изреченіе: *добрый полякъ, добрый католикъ*.)

Правительство польское смотрѣло на народъ какъ на принадлежность земли, и на этомъ основаніи жаловало населенныя земли магнатству въ пожизненное владѣніе. Магнатство отдавало свои пожалованныя помѣстья (воеводства, староства) въ аренду, или въ управленіе служебной шляхтѣ. Грубая, своевольная шляхта, купно съ жидами, участвовавшими въ арендахъ и въ управленіи, произвольно распоряжалась жизнью и имуществомъ *хлопа*. Наконецъ, польское правительство, подстрекаемое іезуитами, начало, съ разными насиліями, вводить унию. Тогда-то южнорусскій народъ, предводительствуемый своими избранными вождями, началъ рѣшительную борьбу. Результатомъ этой борьбы было отдѣленіе Козачества — всего Заднѣпровья съ г. Кіевомъ отъ Короны-Польской.

Мы не раздѣляемъ и того мнѣнія г. Палацкаго, что козачество составляло только военную силу, жившую внѣ общества и на счетъ общества, и что козаки, уходя отъ рабства, предавались грабежу.

Мнѣніе это, впрочемъ, не ново: такъ разсматриваютъ козачество и русскіе историки. Козаки дѣйствительно уходили отъ рабства въ дикія степи Южной Руси, гдѣ преемственно одна за другой кочевали разныя азіятскія орды: Скифы, Печенѣги, Половцы и Татары. *Козаки населяли* эти безлюдныя степи, заводили хутора (*) (небольшія поселенія) и собственными силами защищали свои жилища, свои хозяйства отъ крымскихъ татаръ, которые еще въ XVI в. считали своими данниками и Русскихъ и Поляковъ, и безнаказанно опустошали владѣнія Польскія и Московскія.

Козаки стали оплотомъ отъ татарскихъ нашествій и такимъ-образомъ обратили на себя вниманіе обоихъ государствъ; то и другое хотѣло имѣть на службѣ у себя козаковъ. Стефану Баторію, современнику Грознаго, удалось задобрить козаковъ и образовать изъ нихъ постоянное войско.

Мы смотримъ на козачество какъ на общество осѣдлое, охранявшее оружіемъ свою свободу и національность, и притомъ какъ на общество исключительно южнорусское, удержавшее въ своемъ внутреннемъ устройствѣ старыя обычаи удѣльно-вѣчевой Руси. Запорожская община дѣйствительно составляла военную силу, военное братство; впрочемъ и Запорожцы, по свидѣтельству лѣтописца, первоначально только лѣтомъ, жили за порогами, гдѣ занимались рыболовствомъ: *ловили* и *вѣли* рыбу (буквальное выраженіе лѣтописца), а зимою, вѣроятно, уходили въ хутора. Стало—не жажда корысти, грабежа, не исканіе необузданной свободы виѣ общества заставило южнорусское населеніе искать другой отчизны, а интересы болѣе важныя. Переселеніе козаковъ изъ Польши и Россіи въ южныя степи для насъ имѣетъ такое значеніе, какое имѣетъ переселеніе жителей современной Европы въ дикія степи Америки. Европейцы уходятъ въ Америку отъ голоду и нищеты, а козаки уходили отъ рабства и насилій всякаго рода, господствовавшихъ въ то время въ либеральной Польшѣ и въ Московскомъ государствѣ. Козаки—не гусары Сербо-Влаховъ, не гайдуки, не клецы и не чешскіе табориты!

Табориты, какъ общество вызванное временными обстоятельствами, исчезли; гусарь сербо-влаховъ обращенъ въ регулярныхъ гусаръ; гай-

(*) Что козаки колонизовали южныя степи, это не предположеніе, а фактъ: многіе города въ нынѣшнихъ Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ дѣйствительно образовались изъ козацкихъ колоній. Харьковъ основанъ козакомъ Харьковъ.

дуки — эти баши-бузукы польскихъ магнатовъ — также не существуютъ; козачество же уцѣлѣло до сего времени; козаки, какъ извѣстно, живутъ въ Южной Руси, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Это свободные земледѣльцы, живущіе на собственной землѣ, люди вольные, въ-противуположность крестьянамъ помѣщичьимъ, государственнымъ, оброчнымъ и разнымъ другимъ. Козаки живутъ на землѣ, которую они получили въ наслѣдіе отъ предковъ и пользуются личною свободою, которую кровавыми усиліями пріобрѣли ихъ славные предки. Такъ смотрятъ козаки сами на себя и такъ понимаетъ ихъ народъ. Свободный хлѣбопашецъ Югозападной Руси не называетъ себя иначе, какъ козакомъ, и простодушно вѣрить, что козачество не исчезло и никогда не исчезнетъ. Не одно слово «козакъ» уцѣлѣло у него изъ воспоминаній давно-былаго: — онъ владѣетъ предковскою землею, которою дорожить столько же, сколько и личною свободою, и помнитъ, хоть и смутно, давно-былыя времена; повторяетъ думы, сказанья и пѣсни о славныхъ временахъ козачества. Мы полагаемъ, что историческая жизнь народа не угаснетъ, пока не погибнутъ языкъ, пѣсни, преданія старины, пока существуютъ священные могилы предковъ, погибшихъ въ славной брани за народныя права. А такими памятниками, какъ извѣстно, богата Югозападная Русь.

Все это мы считали нужнымъ высказать, по поводу мнѣнія г. Палацкаго, который смотритъ на Украину какъ на страну, колонизированную польскимъ правительствомъ, а на украинскій народъ какъ на народъ, который не имѣетъ ни исторіи, ни преданій, ни даже опредѣленнаго имени. Эти неосновательныя мнѣнія повторяются и западными публицистами, которые, какъ мы убѣдились, не имѣютъ никакого понятія объ отношеніи Польши къ южнорусской народности. Вопросъ о славянскихъ народностяхъ становится едва ли не первостепеннымъ въ современной публицистикѣ. Положеніе Славянъ, по очень многимъ причинамъ, сильно интересуется западные народы и западныя правительства. Жаль, что историческія и этнографическія изслѣдованія о Славянахъ очень мало извѣстны на Западѣ. Мы полагаемъ, что безъ этихъ свѣдѣній нельзя располагать судьбою народовъ, которые не заявляютъ о себѣ и не ищутъ сочувствія тамъ, гдѣ никогда его не находили. Нельзя принимать молчанія народа за отсутствіе великой самостоятельности мысли и интересовъ, и навязывать ему то, чего онъ, можетъ быть, и не желаетъ. Помогать ближнему доброе дѣло, но помогать насчетъ другаго — какъ-то не совсѣмъ честно.

Мы полагаемъ, что не слѣдуетъ приносить извѣстную національность въ жертву другой, хотя бы эта другая была и развитая и цивилизованная. Подобныя попытки, впрочемъ, не удаются,—въ чемъ достаточно убѣдились горькимъ опытомъ разные горячіе поборники исключительно своихъ національных интересовъ. Мы не считаемъ нужнымъ указывать на факты, которые болѣе или менѣе извѣстны каждому.

—Ъ.

Национализмъ, какъ мы знаемъ, есть не что иное, какъ стремленіе къ независимости и самостоятельности. Но это стремленіе, какъ мы знаемъ, не всегда бываетъ разумнымъ. Оно можетъ быть и слѣпою любовью къ своему отечеству, и тогда оно приводитъ къ самымъ ужаснымъ результатамъ. Оно можетъ быть и разумною любовью къ своему отечеству, и тогда оно приводитъ къ самымъ лучшимъ результатамъ. Но въ обоихъ случаяхъ оно должно быть ограничено. Оно должно быть ограничено любовью къ человѣку, къ всему человечеству. Оно должно быть ограничено любовью къ истинѣ, къ правдѣ. Оно должно быть ограничено любовью къ справедливости, къ равенству. Оно должно быть ограничено любовью къ свободе, къ независимости. Оно должно быть ограничено любовью къ миру, къ согласію. Оно должно быть ограничено любовью къ братству, къ единству. Оно должно быть ограничено любовью къ любви, къ добротѣ, къ милосердію. Оно должно быть ограничено любовью къ вере, къ надеждѣ, къ любви. Оно должно быть ограничено любовью къ жизни, къ счастью, къ блаженству. Оно должно быть ограничено любовью къ Богу, къ святымъ, къ ангеламъ, къ душамъ усопшихъ. Оно должно быть ограничено любовью къ всему, къ вселенной, къ міру, къ жизни, къ смерти, къ воскресенію, къ вечной жизни. Оно должно быть ограничено любовью къ Богу, къ святымъ, къ ангеламъ, къ душамъ усопшихъ. Оно должно быть ограничено любовью къ всему, къ вселенной, къ міру, къ жизни, къ смерти, къ воскресенію, къ вечной жизни.

Национализмъ, какъ мы знаемъ, есть не что иное, какъ стремленіе къ независимости и самостоятельности. Но это стремленіе, какъ мы знаемъ, не всегда бываетъ разумнымъ. Оно можетъ быть и слѣпою любовью къ своему отечеству, и тогда оно приводитъ къ самымъ ужаснымъ результатамъ. Оно можетъ быть и разумною любовью къ своему отечеству, и тогда оно приводитъ къ самымъ лучшимъ результатамъ. Но въ обоихъ случаяхъ оно должно быть ограничено. Оно должно быть ограничено любовью къ человеку, къ всему человечеству. Оно должно быть ограничено любовью къ истинѣ, къ правдѣ. Оно должно быть ограничено любовью къ справедливости, къ равенству. Оно должно быть ограничено любовью къ свободе, къ независимости. Оно должно быть ограничено любовью къ миру, къ согласію. Оно должно быть ограничено любовью къ братству, къ единству. Оно должно быть ограничено любовью къ любви, къ добротѣ, къ милосердію. Оно должно быть ограничено любовью къ вере, къ надеждѣ, къ любви. Оно должно быть ограничено любовью къ жизни, къ счастью, къ блаженству. Оно должно быть ограничено любовью къ Богу, къ святымъ, къ ангеламъ, къ душамъ усопшихъ. Оно должно быть ограничено любовью къ всему, къ вселенной, къ міру, къ жизни, къ смерти, къ воскресенію, къ вечной жизни.

ОТНОШЕНИЯ СЕЛЬСКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ КЪ НАРОДУ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

Трудно было православнымъ сельскимъ священникамъ въ Юго-западной Руси, когда край этотъ принадлежалъ Польшѣ, когда въ немъ водворяли Унію. Тогда и правительство, и иезуиты съ прочими ксендзами, и шляхта, старались уничтожить въ Руси греческую вѣру, — а съ ней и Русскую народность. Сигизмундъ III-й, по примѣру Стефана Баторія, старался слить въ одно все народы, составляшіе тогда *Корону* и В. Княжество Литовское (*Начало Уніи, Зубрицкаго*). Иезуиты постоянно руководствовались правиломъ: — цѣль оправдываетъ средства; а такъ-какъ, по ихъ ученію, спасеніе возможно только въ Римской церкви, подъ кровомъ Папы, то все средства для совращенія въ латинство схизматика (православнаго) были позволительны. Польскіе солдаты и мелкая шляхта пользовались всякимъ случаемъ побуйнить, пограбить и всегда подчинялись внушеніямъ ксендзовъ. Все это, послѣ Брестскаго собора 1596 г., усилилось. Православныхъ епископовъ изгоняли изъ паствъ (напр. *Мелетія Смотрицкаго*), покушались даже на ихъ жизнь (напр., *Георгія Конисскаго*); но епископовъ всегда окружала цѣлая толпа дорожившаго ими народа; нападать на нихъ было опасно, а потому они хоть изрѣдка, но бывали спокойны отъ преслѣдованій. Дворяне православные, хотя и должны были уступать латинянамъ и уніятамъ на государственномъ поприщѣ, но въ югозападной Руси они обладали богатствомъ и силою, съ которыми, въ Польшѣ, при Сигизмундѣ III-мъ и послѣ него, можно было не бояться гоненій. Народъ тяжело страдалъ за православіе, за то и тяжело мстилъ за свои страданія: Наливайко, Острияница, Хмельницкій, Желизнякъ, Гонта и др. были защитниками народа, мстителями за его страданія. Но гдѣ же находили для себя защиту бѣдные сельскіе священники? А противъ нихъ-то,

какъ ближайшихъ наставниковъ и руководителей народа, больше всего вооружались и правительство и ксендзы и шляхта.

Послѣ Брестскаго собора, польское правительство осуждало православныхъ священниковъ за неповиновеніе принявшимъ унію епископамъ,—судило какъ противниковъ власти короля, какъ бунтовщиковъ за то, что православные священники убѣждали народъ хранить православіе. Сѣятели уніи—ksenдзы постоянно приходили въ столкновеніе съ защитниками православія—священниками и доносили на нихъ. Православнымъ священникамъ помогали нѣкоторое время единовѣрные дворяне; но іезуиты привлекли въ свои школы ихъ дѣтей и мало-по-малу изъ нихъ приготовили для себя вѣрнѣйшихъ слугъ, а для православныхъ—самыхъ жестокихъ гонителей. Послѣ войны Хмельницкаго, голосъ православнаго дворянства, со времени Брестскаго собора раздававшійся въ защиту православныхъ въ югозападной Руси, замолкъ на-всегда и съ-тѣх-поръ православные священники остались совершенно беззащитными. Тогда—вздумалось ли ксендзу отнять у священника церковь и имущество—онъ отправлялся къ помѣщику, или поссессору, бралъ у него вооруженныхъ людей и дѣлалъ набѣгъ на православную церковь. По приѣздѣ въ село, прежде всего хватали священника, требовали отъ него присоединенія къ уніи, и, въ случаѣ отказа, брали ключи, отпирали церковь, овладѣвали церковнымъ имуществомъ, совершали *мишу* (католич. обѣдню), а священника выгоняли изъ села, разоряли его домъ, отнимали собственность. И священникъ считалъ себя счастливымъ, если этимъ все и оканчивалось: нерѣдко служителей церкви сажали въ тюрьму, били ихъ плетями и кіями (цалками) и избитыхъ морили голодомъ. Гдѣ могъ искать защиты обиженный священникъ, кому жаловаться на своихъ мучителей? Обратиться въ судъ:—но тамъ онъ не могъ найти правосудія; идти къ своему епископу:—но епископъ самъ часто нуждался въ защитѣ и нерѣдко принужденъ былъ скрываться. Неудивительно, что многіе изъ гонимыхъ беззащитныхъ священниковъ рѣшились принять унію, но немало было и такихъ, которые, не смотря на гоненія, не отреклись отъ православія, и стояли за народъ.

Въ чемъ же тогда находили для себя опору православные священники?

Въ тѣсной связи съ народомъ. Встарину, духовенство въ юго-западной Руси вовсе не существовало какъ особое сословіе, выдѣленное изъ народа, отличное отъ него разными привиллегіями. Прихожане сами, изъ своей же среды, избирали для себя священника, снаб-

жали его презентами (похвалительными листами, съ обозначеніемъ угодій, которыя давались въ пользованіе священнику) и отправляли въ какую-нибудь архіерейскую канцелярію. Тамъ новаго ставленника учили катихизису, проводили по степенямъ священства и, давъ грамоту, отпускали на приходъ. Чаше, впрочемъ, прихожане брали готоваго священника, рукоположеннаго какимъ нибудь Молдавскимъ или Волошскимъ архіереємъ на вакантное мѣсто, а иногда и выгнаннаго уніятами изъ своего прихода. Эти священники также ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ, изъ которыхъ большею частію и происходили. Поступая на приходъ, священникъ заключалъ съ своими прихожанами договоръ, въ которомъ съ точностію означалась плата за каждую потребу. Платой, съ одной стороны, и исправленіемъ требъ, съ другой, и ограничивались обязательныя отношенія между священникомъ и его прихожанами; затѣмъ священникъ уже ничѣмъ не отличался въ правахъ отъ крестьянина. Если помѣщикъ—почему нибудь и терпѣлъ въ своемъ селѣ попа—схизматика, то, конечно, даромъ не давалъ ему ничего. Усадьбу и пахатныя поля священникъ могъ получить отъ помѣщика только на однихъ условіяхъ съ крестьянами. Онъ долженъ былъ платить чиншъ, третины, десятины; также въ пользу уніатскаго митрополита и его консисторіи, на королевскій столъ, по-церковное, т. е. за право служить въ церкви и т. п. Случалось и такъ, что священникъ на-ряду съ крестьянами отбывалъ помѣщику панщину. Оставленіе прихода зависѣло сколько отъ воли самого священника, столько же и отъ прихожанъ. Не угодно было священнику оставаться на приходѣ, — онъ могъ перейти въ другой. Не нравился онъ прихожанамъ,—ему отказывали и прискивали другого готоваго священника, или посылали къ архіерею новаго ставленника (*Архим. Мелхиседекъ. Кіевъ 1861 г. стр. 13 и 14. Руковод. для сельскихъ пастырей 1861 г. т. II, № 39, стр. 131*).

Такимъ образомъ, сельскій священникъ въ Югозападной Руси не отдѣлялся отъ прихожанъ, зависѣлъ отъ нихъ. Это заставляло его избирать приходъ по своимъ силамъ, понятіямъ и стремленіямъ. Если священникъ готовъ былъ на борьбу за свои убѣжденія, за православіе, онъ старался найти для себя такихъ же прихожанъ, чтобы, вмѣстѣ съ ними, защищаться противъ уніатовъ. Склонный къ уніи искалъ такихъ же и прихожанъ. Между священникомъ и прихожанами становился, поэтому, возможнымъ и тѣсный духовный союзъ: — страдалъ священникъ, страдали и его прихожане; жизнь ихъ была неразрывна.

Малодушного священника прихожане выгоняли, или, по крайней-мѣрѣ, переставали обращаться къ нему за исполненіемъ требъ, и тѣмъ лишали его доходовъ; а для себя находили другаго, болѣе твердаго, въ своихъ убѣжденіяхъ. Эта-то тѣсная связь между священникомъ и прихожанами способствовала къ охраненію южно-русской народности отъ наплыва униі и *poliszczyny*. Посмотримъ теперь, въ какихъ отношеніяхъ къ народу находятся наши сельскіе священники въ нынѣшнее время.

«Теперь духовенство въ Малороссіи,» пишутъ въ одномъ духовномъ журналѣ («Руководство для сельскихъ пастырей,» журналъ издаваемый при Кіевской семинаріи 1861 г. т. II, № 39, ст. 132 и 133), «существуетъ особно отъ народа, во всѣхъ условіяхъ быта: въ его сферу изъ народа можно проникнуть только путемъ долгаго ученія и путемъ многихъ затруднительныхъ формальностей. Оно имѣетъ несуществующее для селянина право отдавать дѣтей своихъ въ *духовныя* школы, гдѣ они, путемъ долгихъ и своеобразныхъ занятій, приобрѣтаютъ складъ ума и чувства, далеко различный отъ народныхъ представленій и ощущеній. И эти только школы даютъ право на приходъ: народный выборъ въ этомъ случаѣ становится неумѣстнымъ. Въ приходѣ священникъ получаетъ усадьбу, пахатную и сѣнокосную землю, безъ всякаго оброка за нихъ, безъ всякаго обязательства предъ помѣщикомъ. Въ губерніяхъ западныхъ, эту землю прихожане обязаны для священника вспахать и засеять, потомъ собрать съ нея урожай и свезти къ нему на дворъ. Здѣсь они обязаны также давать ему квартиру со всѣми хозяйственными службами и собственными средствами поддерживать ихъ. Такія обязательства прихожанъ въ отношеніи къ священнику еще болѣе отдѣляютъ его отъ нихъ и заставляютъ ихъ смотрѣть на него, какъ на втораго *пана* въ деревнѣ, на котораго они также обязаны работать нѣсколько дней въ году. Въ отношеніяхъ своихъ къ правительству священникъ стоитъ уже гораздо выше селянина и пользуется привилегіями, недоступными для народа. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ произошла рѣзкая перемѣна въ частной жизни нашего сельскаго духовенства и отличіе въ домашнемъ быту отъ быта народнаго, начиная отъ уборовъ и стола до внутреннѣйшихъ ощущеній, до душевнаго такта.»

Прежняя тѣсная связь между духовенствомъ и народомъ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ Югозападной Руси, прекратилась и мѣсто ея заступила холодная недовѣрчивость.

Главная причина расторженія связи между священниками и прихо-

жанами, это—недостатокъ, въ большинствѣ нашихъ нынѣшнихъ священниковъ, христіанской любви къ своимъ прихожанамъ,—чувство гордаго презрѣнія, съ которымъ большая часть нашихъ сельскихъ пастырей относится къ простому народу. Наши сельскіе священники развиваютъ это чувство въ своихъ дѣтяхъ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ; еще глубже оно вкореняется воспитаніемъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Сельскіе священники въ Югозападной Руси находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Поляками, которые и составляютъ тамъ высшій, болѣе образованный классъ народа. Естественное желаніе видѣть своихъ дѣтей ловкими, свѣтскими, умѣющими прилично держать себя въ обществѣ, заставляетъ сельскаго священника указывать имъ на дѣтей пановъ, какъ на образцы для подражанія. И если дѣти священника, по манерамъ и тону, становятся похожими на нихъ, отецъ радуется, поощряетъ ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ *цивилизациі*, не замѣчая, какое зло эти успѣхи впоследствии принесутъ ребенку, отдаливъ его отъ народа. Если же дѣти не оказываютъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ *копировать*, отецъ называетъ ихъ «мужиками» Это названіе преслѣдуетъ каждый проступокъ ребенка: испачкаетъ ли онъ руки—ему говорятъ: ты мужикъ; замараешь платье—мужикъ; широко раскроетъ ротъ—опять мужикъ. Велѣдствіе того, ребенокъ употребляетъ все усилія, чтобы не казаться мужикомъ:—даже въ саду, или на оградѣ, гдѣ не видно ни родителей, ни какой-нибудь доморощенной гувернантки—польки, онъ говоритъ только *po-polsku* (и это требуется у насъ, чтобы не казаться мужикомъ), не подойдетъ къ мужику и, конечно, уже не питаетъ любви къ олицетворенію этого браннаго слова—нашему доброму, опрятному и вѣжливому простолюдину. Для дѣвицъ такое образованіе продолжается до совершеннолѣтія, или до замужества; мальчикъ поступаетъ въ училище, но здѣсь также получаетъ новыя побужденія презирать народъ.

Посмотримъ теперь на плоды домашняго воспитанія дѣтей у нашихъ сельскихъ священниковъ. «Я достовѣрно знаю,» пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника, что въ священническихъ семействахъ, въ селахъ, жены и дочери считаютъ такую же честію говорить по-польски, какъ у насъ, въ высшемъ и среднемъ обществѣ, по-французски. Польскій языкъ, манера, обычаи, считаются признакомъ цивилизаціи. Причина понятна тому, кто знакомъ съ образованіемъ нашего духовенства и съ условіями его быта

въ селахъ. Родясь и воспитываясь въ здѣшнемъ краѣ, здѣшнее духовенство знаетъ Россію только по русскимъ учебникамъ, которые они зазубриваютъ въ семинаріи. Часто приходится слышать, какъ иной дьяконъ или священникъ, выходя изъ церкви, послѣ обѣдни, говоритъ другому дьякону или священнику по-польски, и тотъ отвѣчаетъ по-польски же. (1861 г. № 30-й, о воскресныхъ и сельскихъ школахъ, въ Подольской губерніи).» Умѣстно ли южнорусскому священнику оказывать предпочтеніе польскому языку предъ южнорусскимъ — и гдѣ же? среди южнорусскаго народа, издавна страдавшаго отъ *polszczyzny* и теперь еще не безопаснаго отъ папской власти? Не такъ долженъ поступать южно-русскій священникъ, если онъ хочетъ считаться священникомъ, а не ремесленникомъ. Онъ долженъ понять, что уже одно предпочтеніе польскаго языка народному, отталкиваетъ отъ него прихожанъ, кототорые видятъ въ немъ что-то не свое родное, а польское, уніатское. Итакъ, начало этого разъединенія лежитъ въ домашнемъ воспитаніи дѣтей нашихъ сельскихъ священниковъ.

Но—вотъ—сынъ священника въ духовномъ училищѣ. Его окружаетъ цѣлая толпа другихъ мальчиковъ — толпа самая разнообразная. Есть между ними далеко опередившіе его на поприщѣ домашней *цивилизации*, другіе на одной съ нимъ точкѣ, третьи—дѣти причетниковъ, которыхъ совѣтъ еще не коснулась цивилизація. Тотчасъ, цивилизованные стараются показать свое превосходство, уличить новичка въ неумѣжествѣ, въ мужичествѣ; а нецивилизованные оскорбляютъ его своими «мужичьими» выходками; съ перваго же шагу приходится мальчику вести долгую и упорную войну, защищаться и отъ цивилизованныхъ и отъ мужиковъ. Первые поражаютъ его словомъ «мужикъ», а вторые—болѣе чувствительными эпитетами; первые возбуждаютъ отвращеніе къ слову «мужикъ»—какъ бранному; а послѣдніе олицетворяютъ собою понятіе о мужикѣ, олицетворяютъ такими выходками, какихъ не позволить себѣ ни одинъ мужикъ. Прибавьте ко всему этому еще то, что учитель, за нарушеніе правилъ грамматики и школьнаго порядка, честитъ ученика также словомъ мужикъ; инспекторъ—блюститель порядка—является мальчикамъ только грознымъ, безконтрольнымъ карателемъ преступковъ, и также ругается. Тяжело приходится отъ него и цивилизованнымъ и мужикамъ, и виноватымъ и правымъ: все дрожитъ, когда «подъ сердитый часъ» инспекторъ входитъ въ классъ.—Нашъ бѣдный цивилизованный мальчикъ неразъ испытываетъ горькое чувство ничѣмъ незаслуженнаго униженія; вспоминаетъ онъ, что это тяжкое время, эти

страданія предсказаны ему мужиками, по мнѣнію которыхъ духовныя училища славятся тѣмъ, что тамъ больно сѣкутъ... и, Богъ знаетъ почему, мужики становятся ему еще противнѣе. Тѣмъ не менѣе онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ святокъ, чтобы дома, вдали отъ инспектора и учителей, на свободѣ, побарствовать передъ мужиками, показать имъ, что они молоди пустое, будто въ училищѣ дурно, что вотъ онъ и побывалъ въ училищѣ, а ему ничего—онъ молодецъ. Но на порогъ родительскаго дома онъ слышитъ восклицаніе: «охъ, якъ змінився! деє недобре було;» а спустя день или два, и такой вопросъ: «паничу, а часто васъ били.» Все знаетъ негодный мужикъ, думаетъ мальчикъ, и въ каждомъ словѣ простолюдина ему ужъ слышится насмѣшка... онъ и здѣсь униженъ.

Такой порядокъ продолжается до перехода въ семинарію. Слава Богу, думаетъ себѣ нашъ цивилизованный мальчикъ: по-крайней-мѣрѣ сѣчь небудутъ,—я не буду испытывать прежняго униженія. Въ училищѣ самолюбіе мальчика страдало нѣсколько лѣтъ, гордость его смирилась, а теперь все это выпрямится, выростетъ, наверстаетъ потерянное. Освободившись отъ вліянія розогъ, въ семинаріи цивилизація дѣлаетъ быстрые успѣхи. Партія мужиковъ въ семинаріи обыкновенно тоже подчиняется цивилизаціи; здѣсь нерѣдко увидѣть цѣлые аренопаги, гдѣ рѣшаются великіе вопросы: какой цвѣтъ теперь въ модѣ? какого покроя носить сюртуки, жилеты и проч.? Здѣсь часто появляются свои моды, совершенно отличныя отъ парижскихъ. Семинаристъ любитъ франтить, и надѣвъ новый сюртукъ, надутый понятіемъ о высокомъ значеніи семинаріи и ея воспитанниковъ (понятіемъ, замѣтимъ кстати, дикимъ), онъ не хочетъ по-человѣчески и взглянуть на простолюдина — мужика. И гордость семинариста растетъ все больше и больше, и въ шесть лѣтъ можно себѣ представить какіе приносятъ великолѣпные плоды...

Что касается собственно семинарскаго образованія, то, правда, оно не думаетъ отклонять семинаристовъ отъ народа (хотя впрочемъ, и здѣсь можно услышать отъ инспектора, или ректора, брань—мужикъ),—за то оно не думаетъ и о простомъ народѣ. Въ югозападномъ краѣ семинаріи подчинены общей со всѣми русскими семинаріями программѣ. Онѣ управляются людьми, присланными изъ другихъ губерній, нерѣдко очень сѣверныхъ, — людьми, которые не знаютъ ни потребностей края, ни духа его обитателей, а между тѣмъ имѣютъ въ виду приготовить для края священниковъ, обязанныхъ знать духъ и нравы народа. Въ кругу преподаваемыхъ въ семинаріяхъ предметовъ, нѣтъ

ни одного, который бы сближал семинариста съ народомъ. Наши «Пастырскія Богословія», обязанныя научить священника воспитывать народъ въ духѣ Христовомъ, «*руководить его на пути къ вѣчному блаженству*», написаны для всѣхъ вообще русскихъ семинарій и вовсе не считаютъ нашего простаго народа достойнымъ познанія, — тогда какъ преимущественно здѣсь было бы полезно изученіе народной жизни того края, въ которомъ находится семинарія: изученіе народныхъ обычаевъ, повѣрій, предразсудковъ. Тогда священники, поступающіе на приходъ, имѣли бы хоть какое нибудь понятіе о той почвѣ, на которой они обязаны трудиться; а теперь, не смотря на то, что семинаристы растутъ въ селахъ съ младенчества до юношескихъ лѣтъ, а потомъ изъ училищъ и семинарій ежегодно пріѣзжаютъ въ дома родителей и родственниковъ на праздники Рождества, Свѣтлаго Воскресенія, на такъ-называемыя вакаціи, проводятъ въ селахъ слишкомъ два мѣсяца, они все-таки не знаютъ простаго народа.

Въ семинаріяхъ воспитанники живутъ въ тѣсныхъ стѣнахъ бурсы, или на квартирахъ у мѣщанъ и чиновниковъ. Тамъ они занимаются убійственнымъ переписываніемъ и долбленіемъ уроковъ, пишутъ и переписываютъ свои собственныя сочиненія и въ этихъ пріятныхъ занятіяхъ проводятъ все время. Если и выпадетъ на долю этихъ *мучениковъ науки* какой-нибудь часъ свободы, то они или занимаются фантовствомъ, или проводятъ время тамъ, куда не слѣдовало бы и заходить молодому кандидату священства — въ винныхъ погребахъ у жидковъ, которые для паніса доставятъ всѣ средства пріятно провести время.

Наступаютъ праздники, или каникулы; семинаристы освобождаются отъ занятій, спѣшатъ къ роднымъ въ села. Чтò же въ-особенности влечетъ ихъ туда? Это желаніе пожить на волѣ, т. е. пофорсить, показать свою удачу, щегольнуть въ своемъ окологдѣ. Теперь дескать, мы уже не то, что были прежде: насъ не сѣкутъ! И вотъ, въ селѣ, семинаристы все время проводятъ съ молодыми помѣщиками, управляющими, писарями, ихъ дѣтьми и т. п., словомъ съ нами, т. е. съ людьми, которые смотрятъ на народъ съ высоты величія; проводятъ въ шалостяхъ и кутежахъ съ мушкетерами, или *gömansach* съ прекраснымъ поломъ. Такъ обр., семинаристъ мало-по-малу становится паничемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ — баринъ, онъ убѣжденъ, хоть большею частію и несознательно, что простой народъ — рабы, созданные трудиться и исполнять прихоти своихъ господъ и, между прочимъ, прихоти семинариста.

Съ такими узкими понятіями, съ такимъ дикимъ взглядомъ на простолюдина, семинаристъ оканчиваетъ курсъ наукъ и становится священникомъ. Взглянемъ теперь, каковы условія быта сельскаго священника со стороны экономической; сообразны ли барскія понятія и привычки семинариста съ средствами содержанія сельскаго священника и можетъ ли онъ безнаказанно презирать народъ.

Сельскій священникъ, въ Югозападной Руси, получаетъ отъ прихожанъ квартиру, съ необходимыми службами, и землю, а отъ правительства—жалованье. Квартиры для сельскихъ священниковъ, кромѣ домовъ, построенныхъ самими священниками, до изданія инвентарей, сдѣланы на живую нитку, съ порядочными щелями въ стѣнахъ. Это потому, что дома эти строятъ сами прихожане, безъ всякаго посторонняго надзора, да притомъ для *поповъ*, уже потерявшихъ народную любовь. Такая постройка производится нерѣдко на дворѣ священника, передъ его глазами; но чѣмъ онъ пособить своему горю? Обратится съ жалобой къ посреднику, или другимъ властямъ: власти пріѣдутъ, виновныхъ накажутъ и уѣдутъ, оставивъ за собой въ прихожанахъ ненависть къ попу,—а постройка дома также дурно будетъ идти, какъ и прежде. Помѣщикъ теперь не въ силахъ помогать священнику, да ему и невыгодно тратить хорошій лѣсъ, необходимый для хорошей постройки. Нѣкоторые священники даютъ работникамъ по рюмкѣ водки, думая хоть этимъ поправить дѣло; но прихожанинъ, какъ бы ни любилъ водку, не продастъ за нее своей расположенности. Обыкновенно, онъ выпьетъ, поблагодаритъ и—работаетъ по-прежнему дурно. И строится домъ нѣсколько лѣтъ и простоятъ онъ только нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ, домъ оконченъ; священникъ поселяется въ немъ, а на прихожанъ возлагается обязанность поддерживать квартиру священника. Естественно, чѣмъ хуже выстроенъ домъ, тѣмъ больше онъ требуетъ поддержки. И вотъ, чрезъ нѣсколько времени, для священника наступаетъ новое испытаніе:—сквозь стѣны дуетъ,—нужно законопатить щели; въ крышѣ показалась течь — нужно исправить; оконныя рамы сдѣланныя изъ сыраго лѣса, ссохлись — нужно передѣлать и т. п. Каждый годъ требуется починка, то мелкая, то поважнѣе; а нельзя же каждый годъ просить объ этомъ начальство: можно надоесть. Прихожане не обращаютъ вниманія на требованія священника: »ему збудовали плебанію,—чого жъ вінъ ще хоче?« Такъ обыкновенно отвѣчаютъ они на рѣчь о починкѣ церковнаго дома. И священникъ большею частию на свой счетъ производитъ эти

починки. А то ли было бы при тѣсной нравственной связи нашихъ сельскихъ пастырей съ народомъ?

Кромѣ квартиры, сельскій священникъ отъ прихожанъ получаетъ еще землю — усадебную, пахатную и сѣнокосную. «Земля» (пишутъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей» 1861 г. т. 11, № 48, стр. 462), «для сельскихъ священниковъ, есть тотъ капиталъ, изъ котораго они извлекаютъ себѣ все необходимое для ихъ житейскихъ нуждъ. Отсюда они получаютъ себѣ и своему семейству пропитаніе, одежду и удовлетвореніе всѣхъ домашнихъ потребностей; отсюда же они имѣютъ небольшіе избытки, которые употребляютъ на содержаніе своихъ дѣтей, воспитывающихся внѣ семейнаго круга. Конечно, земля и трудъ суть капиталы, которые нельзя мѣрить одной общей мѣрой. Здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности, кромѣ количества и качества воздѣлываемой земли, много значить способность, умѣнье, предпримчивость, настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и другія нравственныя качества дѣлателя; равнымъ образомъ, здѣсь имѣютъ также значеніе вспомогательныя капиталы, при помощи которыхъ производитель дѣлаетъ большіе или меньшіе обороты. Поэтому—то священники сельскіе, воздѣлывающіе землю, не всѣ извлекаютъ изъ этого одинаковыя выгоды; по-крайней-мѣрѣ, можно утвердительно сказать, что половина изъ нихъ, если не бѣльшая часть, извлекаетъ изъ земледѣлія достаточныя средства, вполне удовлетворяющія всѣмъ потребностямъ ихъ быта. Есть даже немало такихъ священниковъ, которые изъ этого источника добываютъ очень богатые доходы, прекрасно обезпечивающіе положеніе ихъ семействъ.» Такъ ли это?

Количество земли при сельскихъ церквяхъ не вездѣ одинаково. По инвентарямъ, собственно для священника, должно быть отведено не меньше 10—ти десятинъ земли пахатной и сѣнокосной. Когда же, за выдѣломъ положеннаго причетникамъ участка, остается еще земля, принадлежащая церкви, священникъ можетъ пользоваться ею. Такимъ образомъ, въ одномъ приходѣ, священникъ пользуется только 10—ю десятинами земли; остатка нѣтъ, или онъ очень-незначителенъ. Такихъ приходоу у насъ въ югозападномъ краѣ очень много, особенно въ Волынской губерніи, на Полѣсьи, и близкихъ къ нему мѣстахъ. Въ другомъ приходѣ священнику остается очень много земли, иногда неудобной, или по крайней мѣрѣ, требующей предварительной разчистки, осушенія, удобренія и т. п.; а иногда и хорошей. Обработка 10

десятины священническаго поля возложена на прихожанъ и они вездѣ выполняютъ эту обязанность, но не вездѣ одинаково. Если любятъ священника, то прекрасно обрабатываютъ для него этотъ клочекъ земли; а иначе — лучше священнику самому обрабатывать ее, своими средствами; по крайней мѣрѣ не будетъ пропадать земля. Хорошему хозяину даже смотрѣть противно, какъ прихожане обрабатываютъ эту землю для нелюбимаго ими священника. Причина таже, что и при постройкѣ дома — трудъ обязательный безъ всякаго надзора. Но допустимъ самую лучшую обработку: — все же, при общей, во всемъ югозападномъ краѣ, системѣ трехпольнаго хозяйства, 10 десятинъ земли не доставятъ священнику, особенно многосемейному, пропитанія на круглый годъ; а тѣмъ болѣе не дадутъ возможности развести значительное хозяйство, получать порядочный доходъ. Представьте, что этотъ клочекъ земли нужно раздѣлить на 4-е части: для посѣвовъ ярового и озимаго, подъ паръ и сѣнокосъ. Много ли на двухъ съ половиной десятинахъ можно посѣять ржи, или пшеницы? А урожай бываетъ у насъ и самъ-четверть. Чтобы развести хозяйство, даже чело-вѣку съ капиталомъ, прежде всего нужно достаточное количество земли; а откуда же взять ее священнику въ малоземельномъ приходѣ? Нанять очень трудно и дорого. Судите же, откуда возьметъ священникъ достаточныя средства, вполнѣ удовлетворяющія *всѣмъ* потребностямъ быта сельскихъ священниковъ, а тѣмъ болѣе «очень богатые» доходы, прекрасно обезпечивающіе положеніе ихъ семействъ». Онъ имѣетъ кусокъ насущнаго — и только.

Но, положимъ, священникъ поступаетъ на многоземельный приходъ, гдѣ вся церковная земля прекрасна (допустимъ и это). Для обработки большаго количества земли, нужно и «большіе» вспомогательные капиталы, при помощи которыхъ производитель дѣлаетъ «большіе» обороты. Прихожане обязаны обработать только 10 десятинъ земли; а вспомогательныхъ капиталовъ у священника, особенно молодаго, не бываетъ. И вотъ, священникъ принужденъ начинать свое хозяйство съ самыхъ маленькихъ оборотовъ, въ надеждѣ мало-по-малу дойти и до большихъ. Но удастся это только весьма немногимъ. Конечно, много здѣсь значить «способность, умѣнье, предприимчивость, настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей;» но также немало значать и другія условія: — низкая цѣна на хлѣбъ, дурныя дороги и недостатокъ капитала. Вѣдь священнику нужно платить за всякій рабочій день; а въ тѣхъ приходахъ, гдѣ земли очень много, даже жалованье священ-

нику уменьшается. Другое дѣло было лѣтъ 30-ть назадъ, когда священникъ самъ ходилъ по селу и просилъ прихожанъ къ себѣ на работу. Тогда обработка самыхъ обширныхъ полей стоила священнику какую-нибудь малость; а теперь и «толока», и «помочь для пона», все упало... зато теперь у насъ *панство*... Теперь и капиталистъ не рискнетъ затратить свой капиталъ на хозяйство, потому-что выгода очень сомнительна. Въ рабочую пору, священникъ, въ теченіе нѣсколькихъ самыхъ горячихъ дней, можетъ не найти ни одного работника; а каждый хозяинъ можетъ себѣ представить, какой отсюда убытокъ въ хозяйствѣ. Далѣе: священникъ затратить капиталъ, а его вдругъ переведутъ на другое мѣсто, — верстъ за сто и больше — и капиталъ пропадаетъ. Оттого-то у насъ рѣдкость услышать, что такое-то, прежде богатое, семейство обѣднѣло; а едва ли гдѣ нибудь услышите, что бѣдный священникъ разбогатѣлъ отъ земледѣлія. Оттого-то у насъ не рѣдкость, что священники, изъ многоземельныхъ приходовъ, переходятъ въ малоземельные, но съ большимъ жалованьемъ, — что священники иногда и вовсе не занимаются земледѣліемъ.

Кстати о жалованьѣ. Жалованья сельскіе священники въ юго-западномъ краѣ большею частію получаютъ отъ 80 до 140 р. с. въ годъ; а тамъ, гдѣ количество земли велико (больше 70 десятинъ) — и того меньше, напр. 60 р. Такое жалованье, безъ постороннихъ доходовъ, для священника очень недостаточно (1). Посмотримъ же теперь на доходы сельского священника. Авторъ статьи «о средствахъ содержанія сельского духовенства» (Руковод. для сельскихъ паст. 1861 г. т. II, стр. 461) исчисляетъ все доходы священника, живущаго на приходѣ въ 500 душъ мужескаго пола, во 150 руб. сер.; но такую сумму нельзя считать среднимъ числомъ, при опредѣленіи количества доходовъ, получаемыхъ всеми священниками въ югозападномъ краѣ. Тамъ приходы большею частію гораздо меньше, напр. во 150, 170 и 200 душъ муж. пол., и обязательная плата священнику за крещеніе, вѣнчаніе, исповѣдь и похороны инвентарями уничтожена. Теперь остаются только слѣдующіе требы: водосвятіе, средняя плата за него 20 коп., панихиды общія — 3 к., панихиды особыя, которыя, замѣтимъ кстати, у насъ почему-то бываютъ очень рѣдко, 20 к.; молебны 17½ к., освященіе жилищъ 37½ к. и хожденіе съ молитвою и крестомъ 9 к.

(1) Содержаніе одного сына въ училищѣ, или семинаріи, обходится священнику 50—100 руб. сребр. ежегодно.

Мы знаемъ очень много такихъ приходовъ, гдѣ священники въ годъ получаютъ по 30 р. и того меньше: это въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане не любятъ священника. Спрашивается: чѣмъ же жить тамъ бѣдному священнику? Но зато мы видѣли и такихъ священниковъ, которымъ прихожане, и послѣ инвентарей, охотно платили за всѣ требы. »Теперь не треба платити, теперь намъ даютъ жалованье,« говорилъ одинъ почтенный старикъ своему прихожанину, принесшему плату за погребеніе матери. «Та то по-новому, а ви, батюшка, старенькі: то й ми хочемо, щобъ було по-старому» отвѣчалъ прихожанинъ. Въ другомъ мѣстѣ отвѣчали энергичнѣе: »а, бодай ми не дождали ховати батьківъ своїхъ да за казенні гроши.« Такимъ образомъ, и въ матеріальномъ отношеніи много можетъ принести пользы сельскому священнику нравственная связь съ прихожанами и много вреда разрывъ съ ними.

Что же дѣлаетъ молодой, проникнутый идеей панства, священникъ по вступленіи на приходъ?

Рядъ поступковъ его—рядъ непростительныхъ ошибокъ, которыя нескоро забываются. Онъ во всемъ обнаруживаетъ свой взглядъ на прихожанина, какъ на существо, не имѣющее человѣческаго достоинства и здраваго смысла, созданное только повиноваться и работать. Онъ знакомится съ помѣщикомъ, экономіей и прочими властями; а отъ прихожанъ только требуетъ услугъ и то не лично (это значило бъ показать большое вниманіе къ мужику), а чрезъ причетника, или церковнаго старосту. Онъ хочетъ поразить прихожанъ своимъ богатствомъ (обыкновенная слабость молодыхъ священниковъ); а сами же прихожане перевезли въ свое село все имѣніе священника и знаютъ, что »въ плебаніи—пусто«. Ему хочется блеснуть образованіемъ—и онъ въ церкви, по тетрадкѣ, прочитаетъ имъ проповѣдь свою, или чужую, да такую, что слушатели, по выходѣ изъ церкви, съ улыбкой говорятъ: »прочитавъ щось по-писанному; мабуть, дуже розумне: я нічого не зрозумівъ;« а не знаетъ церковной службы. Если прихожанинъ попроситъ его разрѣшить какое-нибудь недоумѣніе, то отвѣтъ окажется неудовлетворительнымъ. Если вопросъ коснется какой-нибудь важной, догматической или нравственной истины, — священникъ заговоритъ такимъ ученымъ слогомъ, что крестьянинъ не пойметъ ни одного слова; — коснется какой-нибудь мелочи, напр. о значеніи поминновенія умершихъ въ девятый, сороковый и др. дни, о значеніи обычая готовить кутью на канунъ праздника Рождества Христова, красить яйца ко Хри-

стову дню и т. под.,—священникъ, пожалуй, и ничего и не отвѣтитъ—ему объ этомъ не говорили въ семинаріи. Что жъ мудренаго, если не-удовлетворенный прихожанинъ теряетъ довѣріе и къ образованію священника, и пойдетъ прочь: «чому-то вінъ вчився?»—Молодой священникъ не имѣетъ ни саней (крестьянскихъ), ни воза и обращается къ прихожанамъ. Приходитъ мастеръ:—даромъ, по цѣлымъ днямъ, работаетъ на дворѣ у священника, не рѣдко даже обѣдаетъ у себя дома,—и ни отъ кого «въ плебаніи» не услышитъ ласковаго слова—священникъ и не подойдетъ къ нему. Немудрено, что прихожанинъ такъ сладить дѣло, что возъ устоитъ только до первой рытвины. Возъ сломался,—священникъ опять посылаетъ за тѣмъ же мастеромъ и, если тотъ не сочтетъ за лучшее остаться дома, встрѣчаетъ его крикомъ и бранью. »Або жъ то я вамъ повиненъ дармо робити, да ще й добре?» спрашиваетъ выведенный изъ терпѣнія прихожанинъ. »То ти мині не повиненъ робити, то ти мині не повиненъ робити« кричитъ священникъ, а потомъ изо всѣхъ силъ бьется, чтобы отомстить мужику за такую дерзость и рано, или поздно, успѣетъ въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ. Случаевъ много—крестины, свадьба, исповѣдь, погребенье—и священникъ пользуется ими для своей цѣли считая себя, въ этомъ дѣлѣ, совершенно правымъ и благоразумнымъ. Какъ-таки мужикъ не хочетъ даромъ работать ему, своему священнику, кончившему курсъ семинаріи, знакомому съ рапемъ екопометъ и прочими аристократами околотка?! И самолюбіе его оскорблено, и надо тону задать, чтобъ послѣ другіе боялись и работали. Такъ разсуждаетъ священникъ!.. Такова большая часть нашихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ семинаріи и легкомысленно принявшихъ на себя обязанность священника: стараются поддержать свое панское достоинство, кланяются властямъ, презируютъ прихожанъ — и потому терпятъ недостатки въ необходимомъ.

Много священниковъ въ Югозападной Руси уже дошло до разрыва съ прихожанами, много уже на дорогѣ къ тому. Какъ же исправить это великое зло?

Мы видѣли, что тѣсный союзъ нашихъ прежнихъ, страдавшихъ за народъ и православіе, священниковъ проистекалъ между-прочимъ и оттого, что священникъ не ставилъ себя выше своихъ прихожанъ, что онъ не былъ паномъ. Крестьянинъ—братъ каждому изъ насъ, братъ по происхожденію, языку и вѣрѣ. Можетъ быть, между священникомъ и прихожанами бывали какія-нибудь непріятныя столкновенія, можетъ быть и те-

перь прихожане наносят обиды своему священнику; но нелучше ли прощать обиды, нежели платить зломъ за зло; не лучше ли питать въ себѣ духъ мира и любви, нежели духъ гнѣва? Когда священникъ разовѣсть въ своемъ сердцѣ святое чувство любви, станетъ внимателенъ къ своимъ прихожанамъ, больше станетъ думать объ ихъ духовныхъ нуждахъ,—когда прекратитъ въ своемъ домѣ употребленіе браннаго, оскорбительнаго слова «мужикъ:» тогда его слова, его замѣчанія вызовутъ въ прихожанахъ не противодѣйствіе и ожесточеніе, а сыновнюю любовь и преданность. Такъ поступали и поступаютъ многіе достойные священники. Они любятъ своихъ прихожанъ — и только этимъ привлекаютъ къ себѣ ихъ любовь.

На священникѣ лежитъ обязанность учить. Обыкновенно, священники учатъ народъ въ школахъ и въ церкви на схоластическомъ, полурусскомъ, полуславянскомъ языкѣ. Народъ ихъ не понимаетъ. А между тѣмъ, тотъ же южно-русскій народъ имѣетъ свой богатый языкъ, способный выразить всякую живую мысль и чувство. Вотъ на этомъ-то языкѣ они и должны его учить; этотъ языкъ они должны изучать глубоко, основательно и, подобно тому какъ нынѣ они вмѣняють себѣ за честь говорить хорошо по-польски, такъ съ этой поры они должны поставить для себя обязанностію употреблять—въ собственномъ семействѣ и въ сношеніяхъ съ народомъ — родной, украинскій языкъ. Это не только будетъ примирять ихъ съ народомъ, но и сблизитъ съ нимъ. Нѣкоторые изъ священниковъ и теперь пользуются однимъ старымъ, сохранившимся въ немногихъ селахъ Югозападной Руси, обычаемъ, вести бесѣду съ народомъ. Тамъ прихожане по окончаніи обѣдни садятся на нарочно-поставленныхъ около церкви скамейкахъ и толкуютъ о своихъ потребностяхъ и нуждахъ духовныхъ. Священникъ вмѣстѣ съ прихожанами садится на скамью, предлагаетъ имъ различные вопросы, близкіе къ предмету произнесенной проповѣди. Прихожане въ свою очередь спрашиваютъ о томъ, что непонятно для нихъ и этотъ разговоръ становится продолженіемъ церковной проповѣди, и по своей живости и свободѣ болѣе привлекателенъ и болѣе полезенъ, нежели монотонное произношеніе самой проповѣди, да еще пожалуй проповѣди, написанной не для нашего народа.

Но обязанность—учить—не ограничивается произношеніемъ и объясненіемъ проповѣдей. Священникъ, большею-частью, единственное учившееся лицо въ своемъ приходѣ, и общество ждетъ отъ него содѣйствія въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія. Многіе священники

начинають уже и теперь понимать это. Они, по возможности, или сами открывают школы, въ своихъ домахъ, или содѣйствуютъ ихъ открытію своимъ совѣтомъ, пожертвованіями, бесплатнымъ преподаваніемъ. Какъ бы хорошо было, еслибъ и всѣ наши священники послѣдовали такому примѣру! Правда, въ большей части нашихъ сельскихъ школъ слѣдуютъ еще старому методу ученія, употребляютъ буквари, напечатанные славянскими буквами, съ безконечными складами и титлами, наказываютъ учениковъ, а иногда, вмѣсто занятій, посылаютъ ихъ пасти телятъ; но надо думать, что подобныя явленія въ непродолжительномъ времени сдѣлаются невозможны.

Сколько истиннаго добра могли бы сдѣлать священники для народа, которому служить они поставлены!.. Въ нашихъ селахъ общественная жизнь находится—пока въ младенческомъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Югозападной Руси можно встрѣтить цѣлыя десятки нищихъ, которые питаются милостынею людей, живущихъ въ одной съ ними деревнѣ. Иногда, въ праздники, дни поминальные и заговины, у нихъ всего вдоволь: — добрые люди снабжаютъ ихъ съ избыткомъ; зато случаются и такіе дни, что куска хлѣба никто не подастъ. Одни изъ нихъ находятъ для себя пріютъ у родственниковъ, а другой кроется въ полуразваленной хатѣ и мерзнетъ отъ холода, если какая нибудь сострадательная душа не принесетъ вязанку дровъ, или соломы. И живетъ такъ какой-нибудь бѣдный слѣпецъ — безъ попеченія, безъ надзора... А вѣдь не трудно было бы священнику уговорить прихожанъ своихъ, чтобъ они упорядочили свою благотворительность — выстроили бы для своихъ нищихъ одинъ общій домъ и вмѣсто частныхъ, разновременныхъ подаваній, назначили для нихъ, отъ всего общества, опредѣленное содержаніе; или, по крайней мѣрѣ, подчинили нищихъ хорошему надзору, позаботились о правильномъ употребленіи своихъ подаваній. Теперь можно встрѣтить нищихъ не совсѣмъ честнаго поведенія, которые послѣдній кусокъ хлѣба тащутъ въ шинокъ—на водку, а надзоръ уничтожилъ бы это. Отчего бы, повторяемъ, не позаботиться о нищихъ нашимъ сельскимъ священникамъ?.. Посмотрите еще на положеніе нашего бѣднаго селянина, особенно въ рабочую пору, когда онъ разхворается! Хорошо, если это случится въ большой семьѣ, гдѣ отсутствіе одного, и даже двухъ, работниковъ не такъ замѣтно. Но если въ домѣ мужъ да жена и, положимъ, жена захвораетъ: что тогда дѣлать мужу? Оставаться дома съ больною женой,—время не стоитъ: пожалуй, останешься безъ куска хлѣба.

Да и каково-то смотрѣть женѣ, что мужъ бросилъ хозяйство. И мужъ ходитъ по селу, и ищетъ какой нибудь старухи, не согласится ль она посидѣть возлѣ его жены. Найдеть — слава Богу, а гораздо чаще случается, что мужъ уходитъ въ поле, а дома остается одна больная жена. И лежитъ она, бѣдная, съ раннего утра до поздней ночи, безъ пособія, безъ надзора: некому ей воды подать; некому сходить и за священникомъ въ тяжкую минуту болѣзни; нерѣдко случалось, что, возвратившись домой, мужъ находилъ жену уже умершею. Опять священникъ примѣромъ, совѣтомъ, можетъ вызвать на доброе дѣло людей, которые почувствуютъ въ себѣ разположеніе ходить за больными, можетъ подать громадѣ мысль устроить родъ больницы, подѣ надзоромъ хоть опытнаго фельдшера. (Вѣдь у насъ теперь больныхъ лѣчатъ знахари и своими лѣкарствами иногда отправляютъ на тотъ свѣтъ.) Поселянамъ и не придетъ такая мысль въ голову; отчего же священнику не внушить ее своимъ прихожанамъ?? А дѣти нашихъ поселянъ! все лѣто проводятъ средѣ улицы. Тамъ вы найдете и мальчиковъ и дѣвочекъ лѣтъ 10—ти и полугодоваго ребенка, на попеченіи пятилѣтней няньки, которая нерѣдко, съ толпою другихъ дѣтей, уйдетъ куда-нибудь, а питомца своего оставить одного посреди дороги на цѣлые часы. Появится бѣшеная собака, возвратится домой страшный панскій быкъ, пронесется съумашедшая тройка и пр., и пр., — ребенокъ совершенно беззащитенъ. Болѣе-взрослыхъ дѣтей, если они еще неспособны къ работѣ, слѣдуетъ приучать къ школѣ: тамъ они проведутъ время съ большею пользою, нежели на улицѣ... Священникъ видитъ всѣ недостатки крестьянскаго воспитанія дѣтей, знаетъ, какое зло происходитъ отъ того: почему же ему не принять участія въ судьбѣ дѣтей своихъ прихожанъ? Вѣдь встарину устроились при церквахъ и школы и пріюты... Священникъ оказалъ бы этимъ величайшее благодѣяніе своимъ прихожанамъ, а они, въ свою очередь, навѣрное отплатили бы за то благодарностію, любовію.

И мало ли что еще можетъ сдѣлать священникъ для добра своихъ прихожанъ! Учрежденіе по селамъ сохранныхъ кассъ, заемныхъ банковъ, общественной торговли и т. д.—все ждетъ участія священника. Словомъ, священникъ много найдетъ случаевъ привлечь къ себѣ любовь прихожанъ; но пусть онъ прежде самъ ихъ полюбитъ.

Яструбецъ.

30 декабря. 1861 г.